

Борис
Кутенков

Борис
Кутенков

«Выргород»
2026 · Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
К95

К95 **Кутенков Б. О.**
Простите, Омаровна / Борис Кутенков. — М. : Выргород,
2026. — 126 с.
ISBN 978-5-905623-58-5

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5

«Простите, Омаровна» — шестая книга стихотворений Бориса Кутенкова. В неё вошли тексты 2020–2026 гг., публиковавшиеся в журналах Prosodia, «Кварты», «Пироскаф», «Интерпоэзия», «Литература» и др.

© Б. Кутенков, стихи, 2026
ISBN 978-5-905623-58-5 © Издательство «Выргород», 2026

Памяти Мариэтты Чудаковой

Пароль

* * *

эту книгу мне когда-то
в получьме бурятской ночи
подарила ленка ленка
ленка — свет голубожилый
ленка-сон и ленка-лихо
книгу — свиток небумажный
не издаст её стеклограф
не напишут в горький воздух
дрёмов марков либерман

книга-страх и книга-ужас
книга-мальчик-что-нас-ждёт

книга — пёстрый матюгальник
голубой багульник смерти
и в живых бурятки нет

— забери конфету, лена, —
я прошу, — оставь, не надо
этой книги нам в помине
хочешь яблока ручного
хочешь курская стеклограф
всё издаст в обложке пёстрой
забери не надо лена
лена светлая пьянчуга
горький ангел винограда
лена лена лена лена
эй хорош уже бухать

— нет, — качает головою, —
эту песню-в-рот-малина
не хочу, бурятский боже,
этот свет голубожилый
не хочу, безбожный боже;
подавай мне книгу, книгу,
книгу-сон и книгу-ужас,
льдистый мальчик, что нас ждёт

все друзья в тюрьме и в горе,
вся страна во сне молчальном,
получай же книгу, книгу,
глупый горе-ветчинтрегер,
райский боря-смертес

я сама цветок-молчальник,
райский свет меня взрезает,
заплетает корни, корни,
завтра я уйду под утро,
ты люби меня, люби;
ты люби — и потанцуем
под ирину, алкоирку:
младший лейтенант сладчайший,
смертный мальчик молодой

* * *

I

Саше

где страна — молчать и ни гугу — смотрит сны, о ком любила:
ловля снегофила, рыбофила, отсвет на желтеющем снегу, —
Юля-дурочка играет в ящик на пиру отложенной реки,
ягодой расстрела говорящей изумлённым вопреки:

«я, — щебечет, — черника цепная из сорванных тел,
пазолини в квадратиках чёрных, я новый иврит,
все вокруг — рыбья речь на мехах, а во мне — чистотел,
свет расстрельный поёт, говорит:

я черника, эзопова речь, та, что вскроют и вспомнят,
тело сверок ночных и молчанье, звенящее сверх,
цепенеющий бог и за леску подвешенный повод,
так весома, как речи ночной айзенберг,

— Юлька, ты? — Это я на столе, это я, это я, —
и гогочет расстрелянным смехом, —
вся иовий партком, никому, никому не судья,
просто Юля, расстрелянным смехом,

кто уехал, кто умер, кто джагу сплясал на столе,
боже мой, боже мой,
кто шкворчит подземельно непойманным смехом,
а со мной всё ожившее в небе горит:
соловыиный урод и полковник во рту отставной,
вот они — каждый в небе горит,
никуда, никуда не уехал».

II

Потому что мы сад потому что мы сад потому что мы сад
Потому что ворона и сыр и еда и зверьё
Не оставь эту смерть эту степь этот сад
Смертерот и сыны полурайское имя её

Потому что умрёшь потому что умрём и умру
Потому что мы свет беспилотный и взрывчатый ах
Так стоит полуумная Юля на диком ветру
Хлоп калитка и смерть открывает в общажных трусах

Не закрой не закрой потому что мы сёстры и пчёлы
Сюя из Люка Годара, две дуры, идущие вплавь
Потому что я голая Юля, ты рай полуоголый
Не оставь этих мёртвых моих и меня не оставь

Я говно полурайское, Юлечка-дурочка-ночь
Беспилотное время на полном ходу
Закрывает сосед и вращается ключ
Так что слышно везде в небесах и в саду

Потому что мы рай из говна и в говённую реку
Сын идёт и горит аронзоново тело куста
Отвечает вода и стоит человек человеку
Занавешено тело звезде отвечает звезда

* * *

I

лев гумилёв говорит оскорблённой анне:
— мама я лагерный отсвет меня ползэка
в смерти мой образ хватай на большом экране
белая земляника больная мекка
что ты бормочешь мол губы в соку отныне
в глине в малине я страшен и в свете соткан
рот-землепашец моленье твоё о сыне
реквием твой высотный

что ты звенишь ах страшное дно цензуры
видишь сиянье оно неуёмный оден
выбитый рот говорящий сквозь тьму беззубо
весь незернист и безводен и к песне годен

если молчанье оно — то сыграем в ящик
роза на лапе цветёт моего азора
белый из пасти обол золочёный длящий
грецкий дымящийся полуязык промзона
если дыханье оно — то сыграем как между прочим
выстрел его земляника горит божествен
горный ташкент головой его раскурочен
дымный звеневший упавший в огонь пошедший

будем кем хочешь огня просветлённый леший
ране распахнуты страшному гостю рады
только не просверки ягоды кагэбэшной
евтуха мёда тостующей полуправды

больше не мать иисуса не сын расстрела
пела во рву приграничное посетила
помнишь кремлю усачу за меня горела
голос молчал гуталина и осетина

II

анна из крови ташкентских горящих ягод:
— сын мой ты смертевишня тебя не надо
ты эмигрантские сны погудят и лягут
кто я была сапоги целовала аду
долго с огнём обнималась и в смерти пела
ехала оду верблюду и огнееду
брат мой сиянье садового самострела
хватит
оставь
не еду

уйми романтизм
это слышать смешно и дико
лучше бы сам падишаху и пел и печень
нас не простит одуревший безводный певчий
ангел расстрельный
военная голубика

видишь
реальная смертная голубика

та что была обезвоженный землебожец
в клетке металась мертва о воде молила

хватит не нужно

и новая песня ножниц

камень огонь малина

* * *

говорит — и осколочный горловой
просит просит пароль говорю стекло
разбивай подготавливай к тьме такой
чтобы старое зренье заволокло
чтобы то что дрожало ещё вчера
камень я человече меня нема
отвечаешь гудит говорю пчела
тёмный мёд одного ума

тело пело любило гуляло тут
подпевало за словом следи кузьма
так устало что стало цветочный труд
бесконечная смерть сама
волновой и донецкий живут с нуля
так восходят как будто целуют в пах
и кита однобокого ждёт земля
на разломленных черепах

* * *

говорит белоречь потерявшему свет и кровь:
— я застолье давай на «мы»
что ты ноешь ночной проститут молодой иов
окровавленный рот халвы

что ты пущенный плачешь по кругу
и я блажен
гусь очищенный к рождеству
розой совесть расцветшая на ноже
вся кусман — и ещё живу

если мало еды — белорыбица ада для
та что тело моё ждала
и во сне обречённая совесть горит земля
лучший нож твоего стола

ты песенка пепла я ада наяда
землёй подогнулась кровать
и если не выковать певчего надо
в огне и зерне быковать

ты гений коленей и воздух осенний
я чресел серебряный бор
и там где земля отдаётся за пачку пельменей
идёт обо мне разговор

ходит ходит иврит весь разрезанный пополам
напоролся а нам велел
пой же чёрная кость говори молодой бедлам
о моей ножевой земле

что и взрезанной пела агентское «почему»
всех укрыл не родивший пах
и всходила из окон запретная музыч-му
на горящих её бинтах

* * *

Обстрелянный красной аортой травы,
не-речью звереющей рыбы,
мы — лес, мы идём шелестеть с головы,
мы слышать друг друга могли бы,

но этот — свой слух подарил муравью,
а этот — запел на иврите;
приди же послушать, как страшно пою,
как дурно пою, извините,

в больничное ухо земное пою
о крови, зажившей по Цою,
и кровь обращается в землю Твою,
и весь я — раствор марганцовый;

всё в прошлом, пока мы в нестройном строю:
сговорчивый хор метамета,
страна, прострелившая пах соловью,
и эта не-речь в озверевшем раю,
и эта — во зле — и вот эта —

приникнутым ухом — простая любовь,
скрипучие ходы растений.
«Иди застрелись, черноплодная кровь», —
саранский подумает гений.

* * *

вбрызнут гранатной кровью музыкой невоенной
зренем ли вплавлен горем в непреходящий рай
галич на пересадке маленький бог над веной
вскрытым письмом лимонным
новый шерстят восьмай

оттепель отсырела потно мелькают лица
каждый уже словарен в кипе горящих тел
как тебе там сегодня братец пронзённый шприцем
ангел ночной психушки
райский водораздел

зверь ли дрожит посуден ходит ли брат медбратен
мозг сетевой надводен или взлетает над
входит ли в речь воденник зеленью виноградин
чёрным предгрозьем рая в несотворённый ад

там в несоветской толще голос поёт внепланов
точка аэродромна здравствуй мой добрый бро
словно в ночи смартфонной новый жужжит губанов
мелется речь мучная
просит вернись в ребро

телом зернист невзрывчат бережно беспилотно
— так не живи подробно, —
— просит нащёчный бог
так не живи предвзрывно всей темнотой над гродно
сердце-звезда игольчат
маленький — изнемог

целораспад струна ли тело твои сыны ли
влёт — одуван безбожий
тщится из темноты

музыкой медосмотра голые и взрывные
плавкое долетели

Господи
Это Ты

* * *

I

мелом, расстрелянным белым, огнём неумелым,
снявшихся новых времён дрим-ца-ца
летний фаланстер подсудный стоит под обстрелом,
так говорит онемевшему небу отца:

— что ты о дыме обнявшем, истце полубелом,
синтаксис дыма и пепла, гудящий фагот;
новым и страшным приснюсь, нерасстрелянным телом,
давай узнавай меня, свет тебе в рот,

я блеянье чёрной овцы, я ползэка, полсына,
синтаксис неба, во рту симфонический кляп,
всё перепуталось — ножницы, камень, малина,
всё перепуталось, пап,

не разобрать — мы рукавные речи шаманов
или шаманская шварц, виноград-полузверь;
в небо иовий кулак, доведённый шаламов,
или цветок из говна о занёбном теперь,

хрящик советский, губами из досок и воска
дай говорить сквозь ночной переломанный зэк:
родина — яблоко, райский поэт — булатовский,
смертный цветущий обугленный полуязык

II

— дымшиц а дымшиц ты врал почему почему
о мандельштаме погибшем и сделал туристом
— мама я дым и горел в бесконечном дыму
в соре возился совочком ночным и нечистым

— дымшиц а хочешь воронеж ли владивосток
бирка к ноге и завьюжная нищенка надя
— мама мы синие ягоды смерти будь спок
соком измазанный край в ежевичной тетради

ягод-ягода мы все смертесок теневой
скроемся в синей траве нешуршащ и неистов
— саша а видишь горит синеокий конвой
вместо поносных смердящих твоих эвфемизмов

— вижу но вышел же ссылочный велик и гудящ
мелосом синим тенист наплываем обкорнан
— саша беги же он песня он сросшийся хрящ
будущим гибкий и дикий ночной заоконный

кто ты теперь для него
переломанный мел
прыщик на попе советской пуглив и чернилен
в жирное масло швырнёт беспощадный чупринин
слышишь подходит шубинский шумит жэ зэ эл

— слышу не слышу но в горле моё пастила
сон всероссийский и крепко держу пастилу я
праздничный торт и сапожника мышь родила
папа входи и светлана люби аллилуйя

III

за этот фаланстер в огне, двуязычные па,
за рому в ночи тель-авивской, за ростю в тбилиси,
малиновый полуязык о не спасшем па-па,
протезный, отцу и огню, весь иовий и лисий:

— я тоже отец, я куриная участь в яйце,
истец обгорелого лба, обезноженный дымов, —
за свет в обожжённом лице и ночное це-це,
за новое небо гудящих твоих рецидивов,

за это подсудное речи моей мочевой,
за чёрную пустошь моих полуслов-полукровий,
за хрящик советский, ходячий её плечевой,
и маленький русский язык молодой и коровий,

за пыточных грядок ежовую бабушку-сон,
неземлю обмытых её окровавленных леек —
в лицо — на тебе, восемнадцать, и плюс, и — моче в унисон —
нечеховский сад невишинёвый агентских наклеек —

фадеев потёмок тебе, неповадное штоб,
привязанный дымшиц к ноге мандельштама —
и свет прорезается чистый в обклеенный лоб,
как новое тело, восходит правдивая мама

* * *

Захмелеет щека и попросит: ударь, ударь,
я упавшее небо, я мама другого дня
сердца стук, озверевшая дочь, молодой гопарь,
бывшей родины свет, не родись, не родись в меня

я неправды отвар, черепушное бильбоке,
до меня наклонись, ты же тоже, как я, попса,
три движения, песня любви в голубом платке,
стас михайлов гоп-стоп ножевые твои глаза

наклонись до земли — слышишь, правды не говорю —
скорый, мамочка, скорый, свет говорит в огне —
скорый, мама, язык мой китай, приручённому словарю,
дальтоническому лучу, не водись, не водись во мне

чёрным чёрным горит наклонись я уже на «ты»
грязным ухом земля
пепел в пальцах временщика
девяностое порево родина время стыд
белым белое красное красным огонь щека

* * *

виновата ли я виноват ли язык
что открывшись уродлив и гол
это с кем ты фальшивая мурка впритык
пировала глотатель стекол

это с кем ты обломок паршивец куста
развевалась на цвет не деля
что счастливую воду любила звезда
и телесная пела земля

я с обиженным хейтером ела с ножа
иноагенту пела с небес
виновата ли я что мой голос дрожал
на словах про донбасскую ГЭС

и звезды незапретной расстроенный кий
сам твердил виноват в этом сам
виновата ли я что его не убий
что кровища текла по усам

и смеялись усы я не то я не то
 дальний бог навещаемый ад
 и на каждом белело испанском пальто
 виноват виноват виноват

так расти же для тролля влюблённый пион
для подонка взлелейный мёд
потому что по крови ты вскопанный он
лицевым сантиметром на час отрезвлён
и тебя харизматик убьёт

* * *

Елене Перминовой

привет привет мы голос позвоночный
ко мне пришла перминова елена
купаться в телеграммный комментарий
и смерть моя её цветы живые
всех сочленений сад суставы соки
поют её приветствуют и банят
сердечный сок ответствуя чудят

в ночи губанов падает бесштанный
в приветные ментовские объятья

язык порхает сладким таарамом
сад беспилотный золотой мясистый
перминова перминова пришла

вот осип тёмный вывих сочлененья
грохочет сам-дурак воронеж речи
поёт явленье дураково и пирожно
перминовой перминовой моей

перминова пришла трясутся стены
ночной ростовской малогабаритки
звенит неуспокоенный губанов
ростов объелся мясом виноградным
с чудачьих губ стекает дикий мёд

поэзия пришла щебечут стены
и надо всем летает русский дрон

не тронь чудачку нёбный беспилотник
пускай звенит сверкает чёрным бантом
воденника ночами осаждает
шиповнику темнить и саду цвесь

цвети поэзия чудилка огневая
марьяшина твои голосовые
дослушала почти до середины
прошла как заболоцкие деревья
как юнна мориц травы гесиода
как двести восемь ласковых сестёр

знать в ноябре грядёт полёт полётов

мы на трамвайчике попрёмся попрошайном
к водёнунику во заспанные гости
открой мы перерезанный звонок
пусть разберёт наш кровянистый привкус
а может породит второй шиповник
зачем вы лену савву мою лилю
а у меня уже багульник речи
и в перхоти пророс огромный мак

расти бутон грохочущих окраин
но выживи но выживи южанка
в тебя влюблён мой добытыйный бог

* * *

вот он ко смерти несётся и смерти рад

«царь, — говорит, — поживи, а потом нас двое,
спи, смертесвет, приголубленный виноград,
спи до утра, светофорное, ножевое,

будем в аду советском, тогда спою
про теневой, успокоенный и подземный:
лена семёнова в страшном царит раю,
вновь рубинштейн гомонит над парящей зеброй,

яблокопад мы, расстрельный и голубой,
вот и подвесим обратно, как смерть за яйца:
я орбакайте в попсе, а не льговский бой,
я научу тебя падать, хрипеть, смеяться,

щи виноградны, и тёмен огонь во щах,
свет мой, как детский рисунок, перелицованный;
кубрик железный, побудь у новых в учителях,
шпагу с огнём античным глотай, сунцова, —

голая, танцем по облаку, ю-мою,
словно по комнате, в первоапрельской гжели;
сиськи её пофоткай, а я спою,
аллу про злые ночи подпой, кенжеев,

мы зомбоящик, огонь молодой реки,
всё, утекаю, привет горбачу и раю,
светом каким-нибудь, именем нареки,
плачу, преследую, обнимаю».

Из цикла «Песни невечности»

где небо по сказочным доскам спускается к нам
и сбитый вигвам только пальцами соединяя
скажи мне «вода» аронзоново близко к губам
как будто россия прошла между краем и раем

застряла у бога в дыхательной точке над «ю»
последнюю букву легко обжила нежилую
мы что-то совсем оплеуха но близко к чутью
огня проблевавший язык но сродни поцелую

целую целую и я взревновавший смирен
осколок из детства которого мама любила
скажи мне такое как будто другого взамен
и можно сквозь трубы пройти как прощёное мыло

прости меня боже прости я страна до греха
сновидческой прозы осколок убитому другу
как может лишь гаричев сквозь временные меха
как яблоки могут проспавшие воду и трубы

так спим голова к голове будто рядом не страх
пурга в очумевшее ухо конвой операций
а снег трудовых облаков на щеке померанца
осколочный ангел и пена на лёгких губах

* * *

I

ЭМИЛИ ДИКИНСОН смотрит из яблока дна
в яблоко рая андрея таврова:
— господи словом река ненадёжным больна
извести зависти нечисти слова любого

слово как извесьт моё негашёная весть
господи облако яблоко свет произвесьт

ей из любви ненадёжной тавров говорит:
— мужество рая пою только мужество рая
птица любви улетает в условный петит
славы летит ненадёжная птица любая

тигр и вино обнимаются тигр и вино
что мне нагербный огонь и больная держава
слово моё тишиной как ребёнком больно
и над рекой преходящей стоит моложаво

к ним из любви бородин изначальных примет
белый цветок на верху незакрытого гроба
и обнимаются трое как весть и как свет
и обнимаются оба

II

слово тщится облако произнесьт
птица славы в условный летит петит
заклинает мы есть мы и вправду есть
седакова и свет её говорит:

— ну-ка, плотник, приблизься ко мне на час
я глухое вино говорящий свет
рыбий рот от себя захмелевший враз
бородин безначальных своих примет

и покуда ты камень а я зерно
обнимаю тебя теснотой дождя
увода на глазное твоё темно
изначального зреня не отводя

кто заглазье вернёт в изначальный волк
кто обнимет с утраченной вещью связь
как бы плача не умер а лишь замолк
как бы плача резвясь

III

— ты яблоко, — сердится, — тёмное яблоко дна
я облако дна а оставлю тебя что такого
устала тобой как заглазным волчонком больна
так зрене волчарно и в зрене стоит седакова

— ты царь, — говорит, — сто полётов один сто один
как извести верен заглазью ушедшего слова
асфальтовой птицей из крови встаёт бородин
и дикинсон смотрит в лицо молодого таврова

кто мужество рая вернёт в изначальный петит
кто новое зрене обнимет на выход с вещами
я верность пою а она в направленье летит
слова допеваю которые наобещали

ещё не решивший своё обнимая темно
уже привечает в квартире басящего мага
— ты камень, — твердит, — я зерно молодое зерно
бессмертье сквозь ножницы камень бумага

* * *

Аману Рахметову

I

где сумрачный шымкент на световом посту
устал как небоскрёб на небо ни о ком
упрямое твердит мол в небо подрасту
и буду обо всех высотным языком

в нём голос-остролист и птица-авилон
невспаханных руин горящая семья
скажи мне кто я есть и я скажу кто он
скажи мне кто твой ад и я скажу кто я

в небашенном «посты» послышится «прости»
читается «орёл» а слышится «сгорел»
не фокусник учусь и смерть не отвести
стихами не обнять новейший артобстрел

не посветить за всех в аду несветовом
не солнце — смертецирк
фонарные киты

но мальчик говорит что небо это он

господь глядящий ниц
поговорим кто ты

II

сквозь перегон и поездное «ля»
откосное «не лезь»
мальчишке простучала неземля
не весь умру не весь

теперь он луч на краешке лопат
язычник всех начал
вини меня мой микросхемный брат
за то что я смолчал

и световых застольных пепел тот
рассыпанный плечом
не страшен тем что пенье мимо нот
а тем что приручён

* * *

Анне Аликеевич

I

Вот и смотри-ка мы стали позор выше гор
С новых времён полицаем вискарь и кагор
В прозе добычинский свет и эзопова манна
Тёмный сверчок из тридцатых бла-бла разговор
В розовой детской себя убивает в упор
Школа сентябрь и цветастая Анна Иванна

Вот и смотри-ка и в моцарте сталин пропел
Тело моё голубику ведёт на расстрел
Бро как тончайший добычин изъеденный псами
Мы ль не предам ну а ты моя дурочка ты
В ядерной детской награбленных кукол ряды
Что от чужих укрывали а сами-то сами

II

тело моё говори меж давилен и жрален
ты озарённый кузнечик смертей или сталин
тёмный сверчок из тридцатых с улыбкой зе-ка
спиши на весу в недозволенной тьме языка

смертное тело твоё невпопадно
атомным светом твоё ну и ладно
смех предрасстрельный твоё га-га-га

тело моё говори меж личин зуботычин
ты ли союзными псами зажратый добычин
бек очумевшая в травле под сладкий кагор
неба поломанной дудкой бла-бла разговор

руки помыв аккуратно
чай заварив аккуратно

в розовой детской себя убиваешь в упор

III

к реке выходит мальчик-дурачок
сыграть со смертью в голубой молчок
и видит свет расстрельная черника
введенский обезумевший сверчок

сквозь праздничный обэриутский лес
выходит речь отринутого без
и агрис дэцэпэшная соната
на дудочке поломанных небес

вот русский мир утянутый в табу
вот лучший друг в неузнанном гробу
богдан с голубкой в смерть перетекает
сам-темнота в улыбчивом зобу

а разломать и кнопку повернуть
всей страшной кукле музыка по грудь
кузнечик смерти сталин озарённый
поговори со мной ещё побудь

* * *

Вспыхнет голос — и мёртвый сосед в перелётном огне,
как при жизни ходил, так и ходит, занозист, внепланов,
— Не пиши, — говорит, — никогда мемуар обо мне,
это будут китайские тени, георгий иванов,

миномётного ангела пенье во рту, слова для,
— шарит комнату всю, — дай-ка память сожгу, где же спичка,
на четыре — сгорит голубая твоя неземля,
на шестой — полетит миноносица, смерть, невеличка,

это будет нерайская блажь, перелётный распил,
свет нептичий, тыдымский, ночной перченковой,
лучше то, как ходил, как мешал, как пластинки крутил,
как бесяво сидел до утра в общежитской столовой,

слышишь, брат, лучше сердце-монтаж, соловей речевой,
ближе джойсу и сну, ближе времени в продыах дыма,
всё о нём и о нём, обо мне ничего, ничего, —
— повторяет, как бред, — нелюбим, нелюбим, нелюбима,

нелюбима моя, нелюбимо моё,
— повторяет, смеясь, беспилотно, и неба не видно, —
— я теперь высота, алфавит без ненужного «ё»,
без ненужного «б» так беспамятно и алфавитно,

испытатель опавшей беды, подожжённого «нет»,
речь огню-человеду, пчела с огневым неиначем, —
— обнимаю, из мёртвой руки возвращаю билет,
безбилетно в обнимку стоим, и хохочем, и плачем.

* * *

Памяти Бахыта Кенжеева

I

водку пивал и костями разборно скрипел
в небо взмывал как воронежа дикие осы
что же хлопочешь и мнишься разобранный мел
музыкой смерти развратной и простоволосой

— луч на воде и тебе отвечаю не мучь
луч и вода а поймёшь побеседуем кручे
— просто скажи победит ли вода этот луч
с кем на глубинных сегодня поборешься отче

— хватит вопросов
мясца подгони молодых
да без жирка без кислинки твоих постмодернов

луч осаждающий воду и бьющий под дых
луч убивает вода и горит не померкнув

II

обними эту воду спаси успокой как ребёнка
а не выйдет — слезой проводи и ладонь растопырь
пугачёва как детские сны и болит фотоплёнка
призрак речи горит и в него залетает снегирь

так расколото тело трепещёт поёт как эстрада
а случайно родит соловья ну и жуть ну дела
в тёмной маме безмолвье сплетается с музыкой ада
и целует невидного сына сквозь рану стекла

III

бъётся уехавший луч и собой не прикован
плачут я мама я смерть я большая вода
справа и слева болит пугачёва
слева и справа горит полозкова*
сверху болит лобода

телом и я разевающий между мирами
той стороной говорю что стекла на виду
яблоко облако тело на грани
смерть безъязыко шкворчит как под солнцем пиранья
сладкую музыку слышно в аду

* Вера Полозкова внесена Росфинмониторингом в реестр террористов и экстремистов. — *Прим. ред.*

* * *

за всемирное «а» и высотное «ц»,
за твоё беспросветное «б»
я лишился сиянья в овечьем лице
и сидящих на общей трубе

«ха-ха-ха, „а“ и „б“ — не единый орёл,
„ц“ поближе, но виден предел», —
это адовый мальчик на свет понабрёл
и в крушенье себя разглядел:

видит блеск хоровой в перспективе лица,
руки, ноги, всезнающий смех
не труби, ошалелое сердце-овца,
по рельсам идущее вверх

* * *

Наде Делаланд

Литературна жизнь, в ней выпало звено,
абзац, ещё абзац, и я его постскриптуm,
от текста отделён, мне больше всё равно,
кто весь разбужен мной, и я-ношеским криком
сквозь белый делаланд, обнюханный листвой,
плыву, сквозь маму рвусь, темно и тонкошовно,
там первый гонорар и тонкорёбрый вой,
там пепел — сыр бул щыл, и я его мышонок,
ловил, но не поймал, мой детский детектив,
кривой отцовский рот: «прозаиком не станет»,
вся книга — про любовь, считай до десяти,
и ты — её верстальщик,

там новый гандельсман и вечный костюков,
лети, мой новый плод, вниз по воде по тёмной,
всей нежностью в паху, он жмись ко мне рекой,
как маме-кошке всей — аллюзии котёнок;
пробормочу его сквозь медленную лесть,
всяк тощая листва, обветренная псина,
и весь мы не умрём, и развернёмся весь,
и, боже, за спасибо

* * *

Памяти Елены Сунцовой

I

ты вбегаешь в кафе озарённая щёки с мороза
издадим и кота и моллюска и свинопотама
и хохочет кафе
опиши её тэффи-заноза
а потом загрустишь и отсядешь пока смертемама

смерть поюща как роза
всё так же щедра и венозна
лена лена прощай смертемама

нежно катечка внemлет и в землю сердечно стучится
(водка в кактус пролита и тот её пьёт бестолково)
да, конечно же, лена, — корову медведя волчицу
и ещё зоопарковых снов алексея цветкова

щедрый кактус допьёт — и теперь он медвежий и бурый
(смерть — никто: дрессировка, мальвка, рыбёшная пена)
ты шумишь и влагаешься в книгу болиши корректурой
и космически ссоришься из-за литерарентгена

помню пьяную: шутки на ветер и яства в зените
антигона весны без границ, довоенного мира
крепко дружишь и песенно рвёшь отзвевавшие нити
как об этом на горьком напишет машинская ира

...фотография есть: там двадцатый, поплавская нота,
полуголая, между луной и парижекитаем

да, конечно же, лена, — ребёнка, ежа, бегемота
и никто без тебя
и как деньги взлетаем взлетаем

II

О чём гремучая рябина
О чём шумишься рябина ртуты
Посмертным поручнем гудишь

Меня убил филипп киркоров
Меня убил филипп киркоров
И тело бешено вращалось
Дурищай-музыкой ушёдшей
Минутой музыки вращалось
В ночи военный вертолёт

III

и ты и ты и ты нажмёшь молитву «пуск»
венозна роза-смерть и воздух горек
вручи мне тишину заоблачный моллюск
не наблюдай часов ночной мементоморик

куратор прибежит вовсю розовощёк
слонопотама блин издам конечно дико
и смех на всё кафе и замерший цветок
и смерть хотела книгу книгу

* * *

Анненский, Фет и фиаско острящего слуха:
вся поэзия — неостановка войн, пустое тювить,
но память приводит: слушал его, грит, вполуха,
слушал вполуха, а надо б заговорить,

тот, сошедший под белые руки, напеввшись вдоволь
(Дозморов, Ходасевич, вещным заговори);
двуухневный поезд, едущий в Симферополь,
роллтон, Митчелл, мелосом ставший картофель фри,

подсела компания, в разгаре плацкартное пенье:
Краймбрери, ДДТ и что там ещё,
и один из них, что был темней и степенней,
обернулся чёртом, плунул через плечо,

вот он выпил три раза, перекувырнулся,
хочот, хохот, почуянным богом на влёт и вперёд,
размягчённою тьмою очнулся, не тронулся с галса
(проводница гудит, недолёт, говорит, перелёт),

как по смерти, по краю халтуры прошёл, извоза,
стрём ушедший, заговоривший мел,
детью слепнущей, небом седьмым без глаза, —
и запел так запел.

Пепел

мемориал

за смехом поминальной тьмы не слышно медленного «мы»,
за перезвоном ложек, вилок зовут обида и затылок,
вертаясь на речевом огне:
— я пепел твой, ложись ко мне,
я недотёпа с верхних полок, мой дымный путь коряв и долог,

приснюсь тебе поверх земли, к тебе на стол большое «пли»,
язык отрезанный введенский, лишённый голос полудетский,
языковая колбаса, смотри меня во все глаза:
так детство в неотмытой раме дрожит, сцепившись языками,

и вновь — сыновье уру-ру; бери меня в свою игру,
в нестрашный снег, в огромный ящик, роди мне голос говорящий
тридцатых лет, отбитых мест, — и кто с лица сегодня ест —
за вставший в горле пепел слова —

нальёт — икнёт — опустит снова

* * *

I

Так смертно и дымно, как будто бы птицу убил
и звёзды столпились и в уши горят недомерку:
«Зачем ты младенца, морпеха, голубку убил,
Господню зарубку, и любку, надюшку и верку;
о птице лишённой, мы Господа свет подвесной,
о птице лишённой, — мы сёстры, мы слева и справа», —
из тени взывают орфея колючей блесной,
из тени лесной «голубика — зовут — Борислава»,

— Ты ангел морфлота, — ей шепчут, — ребёнок, пророк,
ты пепел и Кассиопея с горящих полотен,
твой спешный убийца в аду, суетлив и двуног,
и свет вопрошаet его, незернист и безводен:
зачем он голубку мою, бесприютен и мглист,
бессмертное выжать во здравие жадного мага;
ты — белое пламя, он — автор, литерациентрист,
будь проклят, булгаков, горящая девка-бумага,

он тёмное что-то, дай смертью его обниму,
неладен, огромное небо доставший из ножен,
лети, дорогая сестра в петроградском дыму,
пилат, говори, обезвожен

II

два срезанных шекеля — принцу и людоеду
весь конь огневеющий — гиблому конокраду
я умер во сне по горящему саду еду
на тёмном осле по горящему еду саду

там голос цитатный тридцатого жара пыла
горящим самоповтором из трубки жутко
зачем вы убили елену мою людмилу
сладчайшую голубику господню утку

зачем же вы белую птицу мою лишили
сестрицу дурищу небесную бориславу

я господи доведён я монета шекель
я всё за еду и питьё колбаса и мясо

и белую шею срезает моей голубке
и свет выпивает блудливый иерихонский
сим-сим симфонический
просиявший горем

III

там снег идёт и гиблая голубка
мне говорит я мясо я калека
я нежный труп и неблокадный зальцман
и всех убью за воду и зерно

дымит хохочет пьяным попугаем
я образ твой ты в нём неузнаваем
и пью уже не воду и не кровь

сигарная раневская россия
и не шепчи мне аня аликович
что свет не прорубь а здоровый голубь
про буквы из любого солнцепада
про тексты из любого смертепада
горенье птицесмерти человейной
из горя и горчичного зерна

и снег идёт раневский и гулящий
уютный богомерзкий беломорский
идёт идёт уютный смертеснег

IV

Леди долго руки мыла
Леди долго руки тёрла
Эта леди не забудет
Обезвоженную птицу

Мистер Стрикленд у холстины
И черна слеза младенца
Ничего совсем не стоит
Ни стихов совсем не стоит

* * *

кíкку и кукарéку, кíкку и кукарéку,
курица пьёт и плачет, курицу пьёт лиса,
ива грустит о небе, пьёт голубую реку,
ива — о пьяном парне, курица — в небеса,

белую воду лена пьёт из небесной дури,
сцепленный свет повисший спит на её суку,
детское и речное, господи, кури-кури,
щебет по всей планете, кикку, кукареку,

свет задымлённый, белый бдит над людской жаровней,
ива впадает в реку, писается в кровать,
сине и потолково детские хмурит брови:
хватит болеть и плакать, в зимнюю воду срать,

тоже хочу как эти, тоже горю вполуха,
с путиным пью в обнимку, музыку ем с ножа,
бабушкин садик, ямка, смертная молодуха,
вот — разrossийский окрик, вот уже — госпожа,

свете меня потрогал, доктор меня пощупал,
нежно щипал за перья мир об одном крыле,
на ходунках певучих, в небо за белый угол,
сыне, с дневной подмогой, и — ку-ри-ку! кар-ре!

2024 году

I

Кровь поймана в кулак и говорит: я птица,
не рвусь, не бьюсь, но не берись лечить:
всё к доносу во мне и нетайне стремится,
всё крепит эмигрантскую нить.

А вырвусь — и в страшные двери фагота,
и в небо к товарищ-майору опять и опять,
будто ищешь в потёмках кого-то,
будто можешь вот-вот отыскать.

II

«Я музыка, — орёт, — я сорванная тьма,
постгорло, перерезанная птица,
советская гармонь, сошедшая с ума,
и всё во мне стучит и на огонь стремится:

я куст обожжённый, беду отвожу и пою,
я сорванный рай по резьбе, просветлённый кирилл;
зачем ты разрушил царевну мою
и что ты во мне сотворил:
батрынча в тюрьме и семёнова лена в раю,
кто шубертом был — тот симфония ртутных перил,
зачем ты котёнка, лисёнка, собачку мою,
зачем про любовь говорил;

я музыка ада, я — ад, сосчитавший до двух,
весны ошизевшей царевна-лягушка-монада;
бери меня в музыку, скошенный слух,
реки обо мне, обречённый побег винограда».

III

слух убийцы музыкален
и уже неотличим
он с ума слетевший губин
или взлетевший сталин
пьяный бах сосущий бубен
песня дна пирим-пирим

слух мой смерть огнеупорен
вот рожает воздух ртом
пьёт из розы а о том
как цветущий воздух горек
позвоночный слух проворен
прозвенит ночной историк
продымит илья кукулин
и оборин динь-дом-дом

песня ада ты в любом

IV

ты поймал больную птицу
я поймал больную птицу
он поймал больную птицу

задуши больную птицу
ибо в ней эзопов бубен
вёрткий речевой компас

господи помилуй нас

* * *

Марине Марьиной

вот оно жаберный зверский простор темнодышащий
двойкобыстрый и лагерноголый простор
что-то лимонно по тёмному пишущий
белый крикливыи василий захват выше гор

лошади ход полуутёмный деревня арясьево
львиное тело сквозь клетку и снявшийся ор
снившись ты снившись уйди никогда не обнять его
небо на оба ключа и не видеть в упор

мама зачем полозкову* послали в зенитное
мама опять мандельштама угнали в трубу
мы виноград мы пуховое детское смертное
каша в комочках не мучайте бо

это дашевский и стрельчатый свет ангелический
это играющий семечком зла ю-маю
прямоходящее потное с именем-отчеством
толстое тело в гробу и в раю

ретро из карцера где по приколу мне
песня что смертные гири теперь снегири
тьма замолчи меня цветкорождённое голое
или вовсю говори

* Вера Полозкова внесена Росфинмониторингом в реестр террористов и экстремистов. — *Прим. ред.*

* * *

за окном окровавлен снег,
били долго, рыдал узбек.
грубый боже мне рёк с утра:
ян — не ангел, но человек.

я устал, я дурак, малёк,
смерти перхоть, лицо калек.
лечь бы тихо в кровавый снег
и уйти, как татьяна бек.

* * *

гостиничный ужас описан, но нет, не болящей татьяной:
в лазури смертельное бъётся и в голое плачет окно.

— я мелос, — жужжит, — заблуждённый,
я отсвет подруги непьяной,
дай имя, — взмоляет, — дай имя, я рай, и зерно, и темно,

я тоже, как ты, смертесветна и тоже в быту бестолкова,
дай имя, дай имя, дай имя, так страшно судьба занесла,
танцую в стекло огневое и бьюсь, что твоя волочкова,
целую невидного сына, тюремную толщу стекла, —

и жмётся, и жмётся настырно: убей, поцелуй и воскресни,
на лбу молодящейся дуры бездонный горит каравай:
— я всполох попсового детства, май-май орбакайтиной песни,
что хочешь, я рай эмигрантский, пожарче меня выбирай, —

и хнычет, и тычет по морде, звенит перебойною веткой,
одна лишь бабачит и значит ночным носогубным хо-хо:
— ты — ягода сталинской речи, беременной речи советской,
вась-вась у неё на посылках, цветущий у смерти в пауху,

я речь, я порву пуповину, из неба постыдное выну,
мы оба эзоп, я молочна, твоё подцензурное «ме»,
уже не карьерий зелинский, поющий донос на марину,
не лена семёнова в смерти, не гриша батрынча в тюрьме;

мы кровка ночной земляники, темны, потаённы и дики,
спеши, мы не ад, мы другое, долой светоносные па:
не вой заоконной цезуры, не скотч на лице эвридики —
орфей непрощенного ада, геракл огневого пупа;

смотри: бородин бесполётный поёт во сладимом застолье,
темнеет больничный дашевский,

хрипав рубинштейн фронтовой,
влетает пьянящий кенжеев, и все переспавшие с болью —
теперь пограничная клюква и вкопаны в свет с головой;

трепещет рубаха снарядно, струна вопрошаet в рябине,
по водам гулящим, продольным за хлебом идут рыбари,
мы тоже теперь вертикальны, мы были квадрат пазолини,
молчи, губошлётп человейный, и смертью со мной говори

* * *

I

Я с дымящей лучиной шагаю к неправде в зе-ка,
где прилеплен к лицу караульный, как чёрная птица,
и почтовой землёй запечатанный рот двойника,
и моча со слезой пополам по щеке очевидца

а я ясные дни а я в рот эти яблоки ел
аин иванна я вовсе не ванна мы больше не пара
а она мне цветущей землёй заголяет предел
а она мне эгейских голов подливает отвара

А она мне горящего света на сто киловатт
«На, неси, обжигаясь; просветы разломанной речи»
И хохочет, рифмую: гранат, киловатт, виноват
Подбегаю, хватаю за плечи

«Перед кем виноват?» — «У подола спроси, что почём»
Убегает, землёю плюётся, подолом играя
И по сельскому клубу восходит ночной Горбачёв,
Вновь на танцах влюбляется Рая

II

«Давай поменяемся, — всходит, — айда на „вы“, —
телом утраты мерцающ, разъят на две, —
Ты отменённое тело со дна травы,
я наблюдающий гибель Твою в траве».
Прячется, весь подробен, горит, горит:
«Мной становись на заказ, раз бедой не смог,
Ты — потайное, экстремум, небывший вид,
я — полубог, полузверь, полуречь-цветок».

скоро узнаешь во тьме карнавальных морд
жарким исчадьем эзопова речь на влёт
словом изолганным вставший ко мне биллборд
адская радуга льдистый танатоход

что же не видишь я скользкая речь я вот
лжи или до метафоры довела
там говорят есть земля отменённый лёт
пламя молчанья объяло мои крыла

а не захочешь пробитую брешь земли
доречевой безъязыкий ещё-не-Бог
пальцем испытанный омут расшевели

спасти не смог меня Ты спасти не смог

* * *

— Боже, Боже, где моя овечка,
Ты не умирай моих животных,
Ты не умирай своих растений,
Не пересажай моих друзей, —

плакал иов древесный, мальчик молчальной дудки,
поезд летел полночный сквозь високосный лес,
в смерть — боевую лыбу, зубы и промежутки,
ехала Пугачёва прочь из страны чудес

— Ты не отнимай мне буратину,
Ямку, две монетки золотые,
Возврати мне Аллу в телевизор,
Из тюрьмы верни моих друзей, —

— поезд летел полночный, плакал зазряшный гений,
смерть пожрала от пузы, плюхнулась на весы:
пересажу дружочеков, перетопчу растений,
светлых убью овечек небоевой красы

— Ты верни мне Аллу и овечку,
тёмный сад и человека-грим,
и построй мне город весь подлёдный,
набережный, непобедный,
под смертельный небом голубым

А в городе том смерти сад огромный
И о заборы бьются огневые псы,
И кровь свою с ножа едят овечки
Невиданной красы

А в городе том смерть обожралася,
Того гляди, не встанет на весы,
Жюльен и арестованные почки
Готовят ей светлейшие овечки
Невиданной красы

* * *

Я бы хотела говорить о поэзии. О том, как читать современную поэзию. О Гронасе, Дашевском и Бородине. Но сейчас не время и не место.

Алла Гутникова,
апрель 2022

Роману Шишкову и Петру Кочеткову

Овечка Освенцима, вот бы о Бородине,
о Гронасе, Ярцеве, о Седаковой, Дашевском,
но слово теперь на освенцимном всходит огне,
и послефевральское тянеться к жизни довеском:
то розой расстрельной взойдёт из ребра
небродский ровесник, ночной пулемётный волчара,
то бедный студент, уродившийся в это вчера,
про озеро пишет — и мы начинаем сначала:

— На первый-второй аронзон рассчитайся аккурат,
одной слепотой и прощением живы, атыкак;
так Боже, не видя — о братоубийственный брат! —
вдыхает весну в сотворяемый детский затылок:
блаженный Амелин, оставим у сердца в живых,
пусть яблоку сна, виноградной достанется мине;
час ужаса пробил в твоих волосах голубых,
но канселинг нас не покинет.

Ты вещи весны именуешь, как хмурый Адам,
край белого польта чуть-чуть в неземное прёван:
вот этот — достанется раю, дождю, облакам,
к чему б ни призвал в овоенье своём непутёвом;
и что ему наши «никак» и «нигде»,
ночные чеэс, огнемётная роза штурвала!
Вдоль озера бродит, бабачит о белом листе —
и светится, как не бывало.

* * *

I

так забывчив отброшенный бог темноты
и забывший себе полубосс
полуречь выпивает с убийцей на «ты»
людоеда целует взасос

похваляясь я то я и сё я и тут
ножевая река велика
в котелке индевеющий обэриут
мандельштам на щеке следака

словно мальчика свет на полставки обял
в дословесное тело вплетён
термоядерной музыкой первоначал
и не знает что делать с дитём

II

в озарённом кузнечике сталин пропел налегке
и усатое небо твердит я небесное пап
выходи голубика в расстрельном своём котелке
говори за меня симфонический кляп

III

так в отброшенном кляпе гудит сверчок
что вразнос пошедшего сна не тронь
тело позабыло про свой молчок
говорит я кровь говорит огонь

— я, — стрекочет, — постлагерный светопрах
не воронеж речи но речь сама
простота на гнущихся черепах
переправа выжившего ума

и дитя забывшее что стрельцов
так легко с убийцей пою на «ты»
прирождённым голым лица лицом
перворечью сплюнутой темноты

* * *

он говорит «моли» — и рот уже в малине,
и геббелль об огне, как в рот заблудший мышь:
мы ад языковой, мы знаешь это имя,
мы шумный птах его, но вслух не говоришь,

а то, что вместо нас, — оно лимонный вычет:
мы свет-не-трогай-нас, мы-белый-свет-потух,
мы розы вместо глаз — поёт, бабачит, хнычет,
бормочет у травы, весь прикроватный слух:

— гори во мне, эзоп, лечи меня, коворкинг,
ты тоже рукомойник сна, пилат зеркальных рыл,
о блудном речь кусте, слепой и приговорный
(о дереве пожар, но вслух не дыр бул щыл);

тебе и в письку ордена, и в грудь кровавый нобель
(газетное сожги, бумажное исправь);
и я, и я дочерний рот, печёный торт сыновий,
всю ночь ищу-свищу, орфическая плавь,

в какой бы угодить феллини, фибоначчи,
ладони, спички, соль — и тычешь невпопад:
фадеев наверху, этаж на страшной даче,
в отпиленной башке горит яблокопад

* * *

в ночь ложишься заживо один
к мёртвым спиши в воздушные грибницы
Евгений Кремчуков

как пленное тело прижатое телом другим
как слёзная аня в объятье бухнувшего рейха
спускайся мой свет это адовы пепел и дым
пришли собирайся скорее

и что из того что цветёшь из-под самой земли
что сгусток цыплячий невзрослого света и пыли
спускайся на нижний дурак за тобою пришли
пришли прилетели приплыли

и что из того что цветок накормивший волчат
что поишишь собой муравьишку рыбёшку агента
не слышишь да-да за тобою стучат и стучат
да-да за тобой не за кем-то

ты к мёртвым ходил обнимал колыбель
светая живых приплывал из ночного шымкента
смотри онемела защита твоя кагэбэ
и колокол каждый тринит по себе
и вся охреневшая лента

ты голый дитя неврачебный к огню не готов
ты всё немужское который анюта любила
носки полотенце и пара трусов
три дня до придонного ила

пока не забывший тебя телеграм-русопят
и пленная аня в обнимку не с пьянью а с фетом
в единой грибнице к умершим воздушные спят
воздушные спят и не знают об этом

Пять процентов площади

Идут чёрные снеги,
по странице скользя,
сноски, сноски, снежинки
(а когда-нибудь можно? —
а иначе нельзя).

Литература чёрных квадратов,
прямо-непрямоугольников,
литература угловых скобок,
чёрных снежинок,
угловатых людей.

И пять процентов площади,
и пять процентов площади

а здесь такую чёрную снежинку
уже сидят пожалуйста снежинку
сидят! сидят! ещё одну снежинку
похожую на хлева обалдевшего
ваше не вифлеемскую звезду

пять процентов площади
площади ионыча
и виссарионыча
восемьдесят пять
девяносто пять

борис оставьте здесь метафорично
всё спок оставьте здесь метафорично
как офуенно что метафорично
а белена а белену оставим
когда придут заламывая пальцы
к нам в шесть утра заламывая пальцы
сошлёмся на фру-фру-зеологизм

(костюков — «не увлекайтесь метафорами»
не ускоряют метафоры
замедляют метафоры
украшают метафоры

«больно — поэтому без метафор
просто осина и просто вяз»

бек дорогая
бек дорогая
что б ты сказала
туркменбashi
не пиши не пиши)

мы издадим асадова
про белую собаку
про секса нет до свадьбы
в союзе секса нет

про чёрное и белое
нет белое и белое
а как же секс до свадьбы
не надо секса нет

одна любовь раздетая
прозрачная открытая
не плотного тулупчика
январский целлофан

но секс
но собака
сноска
сноска
снежинка

и пять процентов площади
и пять процентов площади
проценты правды сахарной
и развесёлый шар

литература площади
ирина евтушенковна
кравцова евтушенковна
эзопа булатовского
и евтушен скидан

нет всё-таки асадова
про белую собаченьку
с которой секса нет

ирина евтушенковна кравцова
с ней об руку позеленевший лимбах
и сок лимонный тянется застенный
струится на заснеженных губах

и чёрный снег уютный и поплавский
садится на лицо и полумаску
на угол правды троицу отточий
летит летит на сноска свет снесённый
садится на январский целлофан

* * *

как жена охреневшее дерево ходит в огне
подпирая поломанный свет
повиси на ремне и не надо не надо ко мне
мы запрет и в помине нас нет

мы шашлычны мы рубленый праздник с чужого плеча
охреневшей страны перегной
дай мне новое тело господь я побуду овча
или мальчика окрик чумной

где в аду безъязыком восходит поваренный сын
и не выдано вилки один для кастрации нож
ну хоть ты-то меня понимаешь марин
но отрезан язык и его не вернёшь

где эзопово эхо идёт по кустам
золотой первомай и над озером пьяный галдёж
ну хоть ты-то меня понимаешь рустам
по глазам по мольбе понимаешь серёж

как восходит рука над неловким огнём
и над пьяным дымок временной
умри же господь моё слово во всём
дай мне руку останься со мной

чтобы речь и темна и госдумна при жизни мертвa
вся распухшие дёсны зе-ка
и горела сквозь пепельный свет молодая трава
прорастая в аду языка

* * *

Григорию Батрынче, с тревогой — и верой в лучшее,
несмотря ни на что

I

то ли визгливый централ из ментовских тойот
то ли прикрылись небес надсловесные веки
смертная музыка в грецком орехе поёт
словно навек замолчала в замедленном греке

воланд слетевших шаров небулгаковских мест
вышел во двор подсобрать голубику расстрела
ад високосный присядь под свистящий арест
тело тридцатых забудь что по-сталински пело

юнкер нечёрной реки понадёжней ударь
осип спасайся сквозь дальневосточные реки
гришу и лену верни високосная хмаря
грёбаный год убирайся навеки

II

рыба ада разрезала лёд и хохочет мол буду до ста
оголённых глазниц торжествует непойманным весом
и огонь обнимает горящее тело куста
говорит не ходи этим лесом

тот ли свет загрустивший по нам или новый эсэс
из булгаковских снов
обнажил эту харю без грима
— не ходи этим лесом, — стрекочет, — мы сам себе лес
разбросавший закладки ненужных чудес
тёмный браузер дня
мотылялся бы мимо

но шагаешь беспечно вдогон без братвы и весла
в этот хренов адок подмосквы
прогуляться как местный
не ходи этим лесом сегодня
немерено зла
у идущего с праздничным хаером в свет надсловесный

столько ягод расстрельных подъехало смотрит в ряды
как на чёрте горит колдовская рубаха распада
и вдогонку стучит обалдевшее тело беды
не ходи говорю этим лесом не надо

III

зла немерено
зла
обнимает и просит приди
рыба дна обнажилась и щерит свои бигуди
девяностых танцует стриптиз и темна и поддата
ей вдогонку стучат каблуки светоёмкого ада

ментовская собака за свет умоляет абызный
мол парнишка неправ мол запутался просто болезный
депутат свысока уверяет что поздно
этую сиську лизать этот праздник спасать надсловесный
проститучая рыба его унесла

выходящий из тела беды под горящие сосны
говорит уе..сь этот хмаря високосный
говорит что пройдёт этот хмаря мракобесный

зла немерено
зла

* * *

по тёмному небу владимирский грянет централ
обрезанный провод на шее вчерашнего братца
ты свет сотворил или я этот свет воспевал
из тьмы нерадийной допросит молчащий меладзе

ты с теми ли с этими совь неразрывная темь
всё смотришь на землю оставлен и мамочка мало
ну как тебе папа твои сотворённые семь
в неядерном свете взорвётся запретная алла

просыпляется рана вдали от солонки земли
и всё что любимое с грохотом грянет на скатерь
ну как тебе папа твоё рукоблудное «пли»
в закат уходящая мама и господи хватит

шестёра не выдержит дёрнет последний кимвал
и каин с картины сойдёт убивающий глеба
меня сотворил или я этот свет воспевал
с усилием крутнётся язык социального неба

я жуткие звёзды в эфире радииной реки
всё соль на земле ножевой просыпающий брата
ну как тебе семь сотворённые были легки
адам разодетый и зверь и акуна матата

всё праздничный зверь но кончается тоже на -ца
иовым путём от пупа — к неубитому раю
по небу любви — удивлённое тело отца
гори виноградным огнём и рыдаю рыдаю

* * *

восславим господа как вася бородин
когда мерцают языки и будущее зыбко
когда вбегает в этой эврике один
и в детском озарении один
и хлебников опять один один один
и всепознавший огнь безуминки-улыбки
вот я какой!

восславим господа как вася чернышёв
иовий плач на эмигрантском донце утлом
когда гопарь ножов и с треском рвётся шов
стать компасом ресниц полупрозрачным гуглом
и стать собой

восславим господа как вася бородин
смешливым зумером трагическим безуглым
(я видел его давно в жизни раз один
он хохотал дребезжаще библиотечным куклам
и был собой)

восславим господа как вася чернышёв
сардническим смехом рифмы я дно я промах
георгий иванов симфония катастроф
обезглавленный свет молодых черёмух

«гликиерия отпусти, гликиерия отпусти», —
так чёрная пёла крови, бежала по краю дна, и вторила песня дёгтя:
на утренних — дикий мёд, на пытерских — мандельштам, бесштанно и без пяти,
вот ваше стихотворе, вот ваше стихотворе, со мной, гражданин, пройдёмте,

и плакал артём белов, и в чердынь летел вагон, звенел голосок обид:
— я пытерский мотылёк, я жужелица в тени, смешная кофемашина,
таблеточный паша прайс, весь колба ходячих стен, и детство по мне бежит,
спаси деструктивных нас, мы медленный газ-погас, не трогай слепого сына,

не трогай кирилла, блин, не трогай кирилла, блин, не трогай кирилла, блин, —
и тьма расступалась, тьма, и воин редел и рдел про белые флаги, флаги,
мы все василёк в зобу, бескостный висок-звонок и детства бесштанный сын,
ходатайства писк смешной, по венам лимонный сок и рцы на его бумаге,

и с чем срифмовать кошмар, эзопов комар, утар, на рифму пойдёт «кар-кар»,
вороны-москвички, блин, судачили без костей, и лился порожний пилснер,
я тоже пришёл сюда, ходатайство подписать, я двинулся в пьяный бар,
такой конструктивный дейт, бумажечку замарать, и — вовсе не заступился,

нет вилгдоровой в беде, нет силы её добра и диккенсовой кости,
нет фурцевой во kleю, и свет, пробуждённый в шесть, сколочен, по-детски начат, —
«гликерия отпусти, гликерия отпусти, гликерия отпусти!», —
так чёрная кровь горит, стучит осетину в грудь, бабачит, звенит и плачет,

батрынчу вот на шесть лет, а может быть, будет штраф и мишины корабли,
а может быть, будешь ты, а можешь быть — новый хармс, а лучше — лайтовый летов;
а утром — всё вновь и вновь: сиянье литературы и ярмарки книжной пли,
дегуста и формаслов, усвоенный рыболов, опрос молодых поэтов.

Песни отцовства

I

это скошенный свет из курносых потёмок
подавивший нашествие трав
это в пыточном небе качаясь котёнок
говорит я теперь волкодав

это бог каминг-аута спел на помине
всё срываю что можно сорвать
и на чёрных костях в ухмыльнувшемся сыне
проступает подлёдная мать

где же ты перворечь изумлённые сани
суицидник на чёрной луне
этот голос радиста и в небо свисая
подоконное врёт обо мне

и влюблённый партком то грозясь по-иовыи
то чистилищным стуком весла
подплывает ко мне на подсолнечной крови
и сжигает жильца не со зла

II

В темноте и в отцовства аду,
всеми створками длящемся для
обещавших — люблю, докопаюсь, приду —
говорит голубая земля:

— Разреши мне, отец, я побуду не-я,
нерождённых на самом краю,
оглядевшая сад молодого зверья,
первобукву изъявший свою.

Вот он всходит — ожившего босха разгул,
строем, строем, сияние скреп,
четырёх перегнал и троих перегнул,
дай развидеть, я медленный хлеб,

зерновых промедлений небывшая весть,
абортария буквы не те, —
накажи, но вели им проснуться не здесь,
в погрузневшем моём животе.

III

Но уже подступают, и стелется дым,
историчка, нешкольный иврит,
нететрадная тьма с перегаром густым,
и она говорит:

— Так спасибо тебе, зачеркнувший меня,
я вино, я повинна стою
за вот это сгущённое зренье огня,
за убившего всеми семью,

что стоял не во зле, как зияющий пах,
только позже пророс и воскрес, —
за вскормившую эти акбар и аллах —
пропустите уродку на рейс.

IV

хоть иконе, видавшей убийцу, уже всё равно
на огонь, что волнуется пять, и четыре, и три, —
расскажи, как в артерии входит обиды вино,
пожирая пловца изнутри,

и как то, что норд-остом грозит проявиться потом,
что собратья простят лишь прибитым за оба яйца, —
превращается в кашу, голодным грозит животом,
роженицу приняв за отца,

а отец, так любовно взрастивший зверьё,
сам блуждает в ожившем аду микросхем,
в этой вспухнувшей тьме, дай вкусить перегара её
и спокойно заткнуться, как всем

* * *

какой-то странный сон где голым едешь в дождь
на гибельном осле среди горящих вишен
сквозь темноту и бабушку зовёшь
мол бабушка скорей но бабушка не слышит
но бабушка сама сплошное сон-тэвэ
— ты сон, — твердит, — уйди, ты белых птиц убивец,
ты беглый виноград о стреляной траве, —
и речь её дрожит от голубых кириллиц

— не трогай не бомби мы на руки повис
не ели земляник и города не брали
мы ямка смертесвет и потаённый рис
и ярцев ростислав о беспилотном рае
уже видавшем всё тювить и птицесмерть
простившее огню прощённое дебилу
не трогать нас в огонь и в страшное не сметь
живое приобнять елену и людмилу
хранить и смертенить и в пепле и во зле
мы лялечки мы брат но на руки не стоит
в последний целовать и дальше на осле
сквозь облако густое

* * *

и смерть восходит сука анн иванна
— давай, — твердит, — возиться и купаться
в чудесной жути оттепельной ночи
цветут любви вонючие цветы
грохочет бродский молодой засранец
бежит бессонно вигдорова фрида
неженскими усатыми сосцами
глотмя глотает русский валидол

— скажи зачем ты вигдорова фрида
смотри нобелиат наморщил шнобель
заврался в лиловеющем нью-йорке
снег над московой смертельный и уютный
в скале сверкает карцер ледяной
в нём проживает новых дней шаламов

— молчи теперь о мальчик предвоенный
молчи меня я вигдорова фрида
я диккенсова девочка без башни
и крепко сплю в серебряном гробу

всё жду теперь когда и я и лида
две дурочки поедем на трамвае
сокольники и сетунь и стромынка
нет не поедем дуры на трамвае
на солнечном на молодом зверястом
сок по усам стекает земляничным
снег над страной восходит смертесветный
и времени теперь наперечёт

в тьму белую дай обниму тебя мой мальчик
люби меня а дальше сами сами

Лицо

Белгород

I

всё смолкло и живо на день тридцать первый
любовь долготерпит и небо себе салютует
всё в нашем спокойно дому

и голубь рождествен летает по кухне
стучится вернувшийся друг

что жизнь раз нет его нигде
что жизнь раз нет его нигде
что жизнь раз нет его нигде

всё тихо и время застыло в труде опылённом
всё в нашем спокойно дому

застывшее время цветочного хора
приподнятый свет винегретного хора
и мёртвые хором встают

я максим к очагу подваливший дым
я борис по дороге утерянный рис
я анна была желанна

я павел ты время моё убавил
я дима без рифмы бои без правил
я свет безымянный
чернильный эзопов лимонов
на камне большое тэдэ

я оля вчера не вернулась из боя
окликнула вас было двое

и время горит в оливьешном труде

что жизнь раз нет тебя нигде

ЧТО ЖИЗНЬ РАЗ НЕТ ТЕБЯ НИГДЕ
ЧТО ЖИЗНЬ РАЗ НЕТ ТЕБЯ НИГДЕ
ЧТО ЖИЗНЬ РАЗ НЕТ ТЕБЯ НИГДЕ

II

всё улетает, и борис летящий собирает рис
я дом с невыбитым окном, я небеса в докрымских звёздах
всё исчезает, и сергей танцует фугу трёх смертей
я сон о сне, сердючкин пир, ночной дискач из девяностых

я смерти бедное зерно
но скоро кончится оно

и дух свободен дух свободен

я смерти бедное зерно но даже смерти всё равно
куда в нехармсовский расстрел плыву где умирает брат мой
пока в сверкающей москве мой чёрный ворон в голове
у жизни восстающей бдит и птичий труд горит салатный

пирожный оливьешный труд
гори гори покуда тут

и дух свободен дух свободен

и смотрит свысока в бесперебойный лес
лодейников бинокль и думает вот дура
восстала и прядёт сам-в-смерти литпроцесс
пчела жужжащих месс
х..-моё угу литература

III

всё перепуталось навек
и мне не разобрать
теперь кто зверь кто человек

и нам теперь не разобрать
кто зверь кто человек
всё перепуталось

и нам теперь не разобрать
и нам теперь не разобрать
и мне теперь не разобрать

теперь кто зверь кто человек
кто человек
кто человек

не разобрать
не разобрать

всё перепуталось

IV

«еду-еду, — кричит, — я не смерть, хоть на всех парах,
что о ней говорить: разинутый рот о хлебе,
на четвёртом и пятом соседкин „ах“,
новогодья попсовый салют, забухавший баx
в телеграме ещё разрешённом
в просторном небе»

«еду-еду», — и связь обрывается, в трубке вой;
последизни зерно, это ж тот, кто всему виной! —
ух и выпьем за невоенные астры, розы,
за меня обронивший космос двадцать второй,
за швырявший и поднимавший двадцать второй,
за эзопову речь
и все её метаморфозы

«ну дождусь, — говорю, — а пока поживи один,
царь бесстыжей мембранны, родины, что без мыла»,
и в бесстыдном огне оживают смертельный сын,

живы немзер, и чудакова, и бородин,
жив тавров
и жива людмила

живы все!
ну беги в нестрашность, велик и мал,
форрест, нежно целуемый в обе ухи;
восстаёт белгородский мемориал,
и о книгах, не о донбассе, орёт слепухин

так пьянчужно язви мембрана гори звезда
мой запущенный беспилотный
лети как люда

тихо здесь
от любви до любви
от коммента до поста

от разлива до тоста

салюта и до салюта

* * *

Марку Перельману и Лидии Корнеевне Чуковской

где новый рай плывёт, и кажется: неисцелим, неисцелим,
ещё реальность доковидная лежит и смотрит, как живая,
там движется война лимонная и, обращённое к двоим,
лицо, себе всё чётче видное, по страшной насыпи гуляет.

оно само себе молчание, и свет, и ужас подрывной,
в ломбард относит птичку жёлтую с мечтой о гибели и рае;
что детским вопрошаньем падало

в нерасторопный праздник свой,
и юное, и угловатое — всё убывает, убывает;

храни над ветром хамофонии двадцатых гордый самиздат,
на человеке перевозочном табличку с надписью «полегче»;
мы — той культуры дуновение: домашний скрежет, тихий ад,
машинопись негромогласная и два листка на ветках речи;

один — хранит неутолимую беду, как вечный ватерпас;
другой — за всех несёт прощение, не подставляя принципата;
смотри — ложится пламя белое на сильных нас, пронзённых нас,
и с каждым днём слепей редакторы — как будто надо, так и надо;

а утром — лента, пляски фауста, десятый круг и новый бал;
простить врага и равнодушного, любовь смертельную вне дома,
вернуть на полку том ворованный — почти как герцен завещал,
и в простоте твоей озоновой зажить и мыслить по-иному.

* * *

так тихо внутри что слова начинают сиять
ты новым придёшь — а огонь продолжает гореть
я весь продолжение спора я слово на «ядь»
своё продолжение тела как вечер и смерть

гранат разлетелся на райские атомы — бух! —
ты умер а свет бесконечен стоит у двери
ничто не вернётся собой полюбил и потух
сижу и с огнём говорю говориши говори

так просто на райской земле отзвеневших понтов
прислушайся
голос впервые без верхнего «ля»
я первым войду в эту воду и к смерти готов

гармония
вечер до взрыва
сплошная земля

* * *

Шоколад прилип к нему, мармелад...
Денис Новиков

«мой мармеладный, мой мармеладный, эх, не права я», —
звонкая пела катюша, москва гуляла,
приходит новиков, скалится выбитой пастью:
— ты не права, не права, мармеладокатя,
во глубине меня чёрный горит обмылок,
весь я обрубок, очёсок, шаламов, пепел,
детства убитого розовощёкий воздух,
в ад отправляйся, катя,
там пой свою джагу-джагу,
тошно от сладости в соловьином горле,
только моё мармеладогорло
на ритмах твоих выводит песнь песней,
на детстве растоптанном, эй-эй, возвратите лену,
лена жива, но ей запретили песню,
с войны бредёт сатуновский в снегу, кровище,
бредёт, зовёт — а девочка не открыла,
у девочки в мармеладе горящий волос,
катя, мы все теперь сатуновский,
звонкое детство, прости нас, катя,
ангел кровавого мармелада.

катенька, солнце, гуляй, никого не слушай.

* * *

I

Загорается куст, и огнём говорит иврит,
долго вспыхивает и тщится из темноты:
«Я небывшая кровь, я по венам Твоих обид
по-отцовски теку, а что с нами сделал Ты —
все в отъезде друзья, кто в могиле, а кто в тюрьме,
а оставшийся так цветочен в своём „темно“,
весь волчарное „бе“, эзоповы „бэ“ и „мэ“, —
спичкой шарит, и курит, и долго дымит в окно, —
Ты огонь, в Украине и в старости виноват,
от могильных звонков разрывается голова,
на черта Тебе мой живот, что был нежен, как виноград,
стал песком, и песочна словесность — дурак-трава;
а горящая у корней — полицай, молодой сексот;
слышишь, в небо иди за слова, что не те, не те», —
разжимает ладонь, роняет с высот, высот,
прячется в спичечной высоте.

II

— Я кровь, — говорит, — потекла, я дрожащий побег,
я детская смерть, обо всех наизусть, назубок,
в задушенной ванной предсмертная Танечка Бек,
бессильных словес виноград, отбирающий бог, —

— и лыбится рот охреневший: Николенька, Лёш,
и смерть целовавший лежит на кровавом снегу, —
я рот проблевавший и певший, а Ты что могёшь,
а Ты что могёшь с этим светом, а я всё могу;

заглазному волку верну изначальное «ме»,
поющей овце зафигачу волчарное «бэ»;
друзья разбежались — в отлёте, могиле, тюрьме,
и ад, виноградный ребёнок, сидит на трубе,

смотрю на него из подсудного света, стекла,
светла, обнимаю одним некасаньем любви,
расти, смертоносный, — ну всё, потекла, потекла,
ещё одну кровь разрешаю, спокойно живи.

III

— Таню Буланову петь, — говорит, — идём,
Иру Аллегрову, горе ушло, живи,
смерть колыбельную, дым отлетевший, дом,
про лейтенанта с цветком в огневой крови,

из девяностых угонщицу, детский рай,
и Полозкову*, что смерть — стариковский гон;
я целовавшая ад, и лучше меня не знай,
как темнота, цветочна — а что с нами сделал Он:

свет подсудимый, и небо идёт ко дну;
Боренька, я виноградарь своих высот;
друг из могилы, верну, — говорит, — верну, —
врёт, и хохочет, и лыбится во весь рот, —

сыр оброни — и сад смертоносный пуст,
высажу новый — все живы, белым-белы,
ямка, с тобой наш секретик, поющий куст.
Что там по плану за Лепсом? Бюль-Бюль Оглы?

* Вера Полозкова внесена Росфинмониторингом в реестр террористов и экстремистов. — *Прим. ред.*

* * *

...и голос Булановой Тани на мусорном пляже
Леонид Шевченко

«Я за туманом останусь, дождём, снегопадом», —
пела со сцены сисястая Саша Градива,
розой забвенья, с бесланом, восшествием рядом,
я наблюдал по тиви, это было красиво:

адский цветок шоу-бизнеса, бёдра стриптиза,
помню, мелькнула и зрителям фак показала,
детство моё чупа-чу, в долбеже шоу-биза,
в Сашиных вывертах по физкультурному залу,

Саша, живущая с водочным быдломагнатом,
после избита, пропали и клипы, и песни,
бухало сердце подростка, непонятый атом,
чёртов беслан говорил немотой занебесья,

в чёрном восшествии вождь под сурдинку разбоя,
под слюдяное «Любэ», деньрожденный стопарус,
«Я за дождём, снегопадом останусь с тобою» —
Саша, замолкни, уйди, ничего не осталось,

водочный дядя молчит, раскрутивший другую,
мёртв Айзеншпис, некрасивая смерть победила,
детские сны, я в обнимку со смертью танцую,
Саша Градива, прощай, я не помню, Градива,

с кем ты в Америке судишься, наглая леди,
засрана белая скатерть, разбитые блюдца,
жарко Собчак о войне говоришь и победе,
юность, идя воскреситься, пытаясь вернуться,

в детство стоячего солнца, мелькнувшей пропажи,
свет преломлённый, продюсер, похожий на йети,
голос Булановой Тани на мусорном пляже
школьный спортзал без воды одуревшие дети

* * *

Василию Бородину и Ярославу Минаеву

I

приходил бородин довоенных и белых музык,
дребезжал и смеялся: все ждали меня, я вот,
отпусти, мне пенал потемневшего зренья узок,
поседел черепах — но горит золотой живот,

я убит подо льдом — но меня хорошо любили,
зацелованный брат, помолчи о своём жу-жу,
не отдавай меня чёрной земле, покрасневшей пыли,
этим снам подоконным, десятому этажу,

пронеси мой агдам, раздолбай молодую чашу,
я, как ты, проливной, оброни меня напролёт,
игорь бобырев, брат мой донецкий, огонь дичайший,
не отдавай меня ртам, в их разинутый дикий мёд,

слышишь, свет тебе в рот, я теперь огневое сальто,
а в ночи — вдень меня, видишь, пуговица вверху,
скрипка наперерез, переход моего асфальта,
лесом чёрным, эсэсным горю у себя во мху,

я десятое зрене — и плачу, себя не зная,
дикий зумерский свет продолженья, застёгнутый не про то,
земляника, безделица, жужелица лесная —
прицепилась, дрожит, убивает, горит на моём пальто.

II

Подмигни мне, война всех просодий, высотных полок,
засвети, драгоценный дашевский, мой фростовский огонёк:
я десятое зрене, и ехать долго, и путь недолог,
застеколье горит — и надышанный сон далёк.

Течёт ручей, бежит ручей, и я ничья, и ты ничей

Петр Черняев

а я ясные дни

а я яблоки ела

Василий Бородин

Чернело дикое винцо, разбилось хрупкое яйцо,
и мальчик вышел на крыльцо и говорил заподлицо:
меня убили вы, убили, меня любили, не любили,
я детский весь, цветущий весь, я бога страшное лицо,

я муха о своём це-це, врунливый мускул на лице
и белый песень о конце, о феерическом конце:
меня убил влюблённый грузчик

под небом райским и цветущим,
сочился бородинский хлеб, и плакал ростислав ярце,

и белый вася бородин, как солнце, говорил во мне,
полутона, полутона малины дикой на окне,
включил буланову над гробом и кадышеву тихой сапой,
я белый свет, обычный зумер, я сад, расцветший на говне,

он пел про чёрный подокон, про зренье с четырёх сторон,
мол, не грусти браток димон, нас обойдёт влюблённый дрон,
он небо загружал на сервер, он в небесах меня печатал,
я стал предательский шиповник, всесильный жемчуг для ворон,

а он звонил признанья для, ему твердят: иди в поля,
иди в леса, иди в поля, меня не знай, гончар нуля,
звенела таня, пела надя про ясный мир течётрученый,
на самом крае одувана взрывалась круглая земля.

Слонёнок

сколько дней выживало без музыки тело
пытаясь вызвать в себе тот первичный стройный ритм
и падая обессиленно в пустоту
как после неудачного секса

но помнишь день первого изгнания из рая:
30 июня 2006 и твои 17
день, когда на всю страну объявили о её избиении
день, перешедший в чтение её романа
(так уже не потрясёт ни одна классика ни до, ни после)
в котором она день за днём, год за годом
описывала свой десятилетний ад
с мужем-садистом-миллиардером

(ужаснее этого дня
был только вечер 10 лет спустя
кричащее лицо мамы в слезах
о том что всё
и было действительно — всё)

ты помнишь, как она выходила на сцену
овеянная светом и нежностью
изображать сценическое счастье и сценическую же грусть
и всё твоё либидо наивного неиспорченного подростка
тонуло в блаженных звуках
гения чистой красоты

сидя высоко на чужих мужских плечах
в партере «Олимпийского»
ты метко швырял на сцену
плюшевого розового слонёнка
с любовным наивным письмом, спрятанным внутри
слонёнок приземлился у её ног
она подняла, показала большой палец в толпу
(тебя, вероятно, не видя, но тебе казалось, что видя)

и твоё перекошенное от счастья лицо
(ставшее потом насмешкой на всю школу)
показали по СТС

(счастливее этого дня
был только вечер 13 лет спустя
в суз达尔ской расплывчатой дымке
и белокурые расплывчатые слова
«у нас с тобой роман»)

летая высоко в своих чистых мечтах
ты пытался её поцеловать за взятием автографа
как за взятием Бастиилии
(со всех ног несётся к вам её балет
и отступает видя неуклюжего подростка)

ты внимал каждой песне из нежных уст
где семейный ад претворялся в элегическую грусть
в пронзительность какой больше нет
(ты думал: так уже не потрясёт ни один Моцарт ни до,
ни после
но нет, потрясло
но не так, как она, — по-другому)

ты звонил ей домой и просил позвать к телефону
нарываясь на крик её мужа-садиста
и хотел подрасти приехать взять её за руку и поговорить
о чём
непонятно о чём

а потом
захлестнула жизнь
косноязычная как тот слонёнок
поспешная как ты несущийся с букетом на сцену
равнодушная как её взгляд
во время попытки робкого поцелуя

...сегодня днём её пиарщица говорит:
«ваше издание слишком малочитаемое для нас»
её пиарщица спрашивает:
«сколько у вас охват одной статьи?»
её пиарщица отвечает:
«мы вряд ли сможем дать вам интервью»
«присылайте ваши вопросы а там решим»

ты выходишь в отменённый мир
и телом отяжелевшим на сто сбитых иллюзий
плывёшь туда
в сад несорванных яблок
туда где всегда отвечали «нет»
и всегда ответят «нет»
плывёшь сказать в своём интервью
что-то псевдоромантическое
о блаженном незнании перспектив
о первородстве звука
и о том что стихам виднее

в этот час она спешит на свой кремлёвский концерт
в этот час хемингуэевский герой тяжело встаёт у окна
видя людей спешащих на работу

людям было приятно
идти на работу

* * *

тихо до взрыва, динь-дон, молоко дымится,
детскими ад голубыми глядит глазами:
— я делаланд из огня, костяная птица,
слепим и сами, любовь моя, слепим сами,

крокус дымится, дитё обнимает мэтра,
глинным рукам господь говорит «а, ладно»,
слепим и сами, под нами светло и смертно,
кровно и холодно, сонно и делаландно,

сверху — дающее, рай материнским клювом,
снизу — огонь берегущий, бродяжий гэббит,
тина и сон, делаланд костюкова любит,
любит его, номинирует, любит, лепит,

сон создаёт ему, книгу, в горящий термос
свет наливает, чтоб светлым очам досталось,
слепим и сами, овча моя, старость, ревность,
сон круговой, сковородное тело, старость,

свете мой тихий, мы — то, что никем не стало,
клюв утконосный, мы — тот, что люблю другого,
любим, смеёмся, и снег неуклюжий, малый
любит и лепит старючего костюкова,

шепчет: я маленький бог, огневая надя,
сон-паркинсон стережёт, обнимает: здесь я,
зуб твой молочный, дневной кабинет во аде,
леший во рту, лисопедье твоё и лисье,

райский меладзе вернувшийся, резвость наша,
грешное, стреляный рай о твоём красиво,
сон молока убегающий, манность, каша,
тёмный огонь, делаланд её, свет, спасибо

* * *

Асе Аксёновой

сквозь горло и голос и музыку бомбоубежищ
где отнятый свет и надмирное и горловое
взрываются разом
прозрений беспомощных дочерь
ничто не меняющих
всё говорящих
и смелое сердце телёнка бегущей строкою
всегда беспокойно
всегда серебристо

и волосы целые

твоё стреловидное сердце аксёнова ася

сквозь эту планету столь явно идущую на хер
распятое небо и ветер песочный с ливана
беги с одного на другое
за близких за близких
тут зверевский длится
тут кипеш амурский милешкинский и лихачёвский
тут настежь открыты полёты
и я не забуду тебя укрывающий форрест
аксёнова ася

и волосы целые

твоё гомонящее сердце аксёнова ася

и я не забуду тебя укрывающий ливень
где ветром ливанским шумишь через драку и гущу
врезаясь в огонь стреловидно и тесно
но то для других
а мне — предложение укрыться и в ужас и вьюгу
в безумное борь на метропольской даче
хоть месяца два чтобы всё поутихло

и я улыбаюсь живу и стараюсь
четырнадцать целых лет

огромное сердце биг-мамы аксёнова ася

зови меня в гости зови меня в гости
я буду у двери нерайской но двери неадской
со всем органическим стихоцентризмом
со всем отвратительным эгоцентризмом
со всем аутизмом таким кутенковским
с печеньем и тортом
и чаем своим новостным и несладким
как водится в среду
как водится в восемь

здесь — режущим запахом крови такой негранатной
поеет и ветер под окна кровавые зёरна
чтоб деревцем тихим

а мы вырастаем
а мы из себя вырастаем

и волосы целые

* * *

I

несбылотник а небо а небо потом
ночь жужжат и бормочут и в рот им оплёванный пепел
бог малявка и ходит вращаясь большим животом
сам пугаясь болит и родиться ешё не успеет

это ангелы зла ничего ничего ничего
померанцевых губ отлетевшая смертная пена
и мария стучит в озарённый живот пво
— я неядерный свет, — говорит, — я семёнова лена

меня нет меня нет я теперь беспилот
энтомолог жужжащей беды я вода и бумага
я давно раздвоилась на воду и липовый мёд
и стучусь и скрываю внутри безначального мага

захотела рожу поворотом листаемых лент
это смерть это свет это лёгкие мы это снится
в синем небе дымит высыпаемый мной интервент
и спасённый из лагерной пыли встаёт солженицын

из огня восстаёт чудакова далёкого дня
свет упряжный развозит и новым грозит мене текел
так звезжу а проснусь не оставь же меня
в этом стуке полночном в осколочном снеге

я вода я реву я узнавшая лучшее пап
вся эзопова манна просыпанным небом над гродно
молодая трава и в пелёнку засунутый апп
и во рту от больших облаков тяжело и сугробно

II

и воздух перейти
и поле переплыть
и это пережить

если свет перейти догола —
там она и жива и раздета
и победно бутылку берёт молодого темна
— я огонь блы, — говорит, — я теперь телеса смертесвета
я раиса максимовна райское ай-на-на-на

сквозь дальнее да-да
в сквозное никуда

я белый свет который долго падал
я лес я лис и всё могу
я облако эпштейновских метабол
ты яблоко в дементьевском снегу

я смертный пим-пирлим и вот-те вам
ты тишина по обруseвшим швам

сверкнула — ляпнула — скакнула перелеском
что сумерк памятин расскажешь тёмный вжик

ну что коллеги тютчев и гандлевский
и это пережить

III

это свет это куст оголяющий человека
тело падает вверх где щебень музыка и руда
светоносная лена развилка плакат аптека
шестнадцатый год моего труда

на ветру стоит и машет своей рубашкою
эй поближе преображенка училка-смерть
белый свет из тьмы сотворяет ларису рубальскую
и она как яблоко начинает гореть

* * *

и вот стоит протянутая лена
и смотрит голо в обгорелый свет
мы тело смертное мы семечко неправды
мы-мы му-му не обнимайте нас

живот мой что песок а глаз раскосый
дурак ты б не узнал меня сейчашней
я миф о мёртвой и со мной что хочешь
экслибрис полоса без опечаток
я самолёт не боевой хороший
отправлена в зенит и адов свет

я адov свет на теле царедворца
жасмин твоя в божественном сиянье

дурак ты не узнал меня я смерть

так это небо к аду приближалось
что стала вся метареальность
так это небо приближалось к аду
что стало яблоко и облако и бездна

не обнимай нам голо самолётно
мы смертный дурачок мы долго падал
и вот упал

* * *

Памяти Андрея Таврова

I

упорна колымская ночь за познавшей спиной
«движения нет», — говорит бородатый очередной
другой не молчит начинает ходить
ночной архитектор непризнанных истин
сквозь праздник невыгнутых шей человек на пятнадцать
и шейное логосом садом свивается вдруг
речь высвобождается бабочка-горло
и мы не забудем как время ни стёрло
сошедшую речь-полукруг

цветуща колымская ночь для познавшего «я»
и слом не ко времени льдистый лопатствуя и бия
и мы не молчим начинаем чертить
круги на воде восходит чертёжная зверь
сквозь горе воды разошедшейся ржущие доски
барт умер бог тоже
оставшийся в зале сонлив
шамански верти не верти кровь-морковь неминуча
лопата устала и не остановлена <...>
в молчанье засовном брадатом обиды прорыв

молчанье скрипучем так и не расколотых льдов
и новая речь не сказав затворяет засов
в этом зале пустом
ты танцуешь один
так скажите хоть слово
сошедшей под звёзды неслышимой пляске ума

давай же хотя б в этом зале но в жизнъ им
давай же своё на заборе но в суть им

и мы не забудем забудем забудем забудем

и снова тиха колыма

II

это ты на груди начертивший цветущую зверь
оголяемый рай и врачу исцелился при всех
сын-цветок сын-снаряд сын собою болящий теперь
сын глумящийся яблоко-смех

в первом звуке ты слышен ветвящемся звуке войны
об отце ни гугу восходящая зверотрава
сын-журнал сын-карьера молчащих двуречий сыны
и пустеет ночной ледоруб твоего рукава

сын-лопата сын-речь говори аварийное сын
я же тут завербованный оземь кормящей груди
на свету с оголяемым раem один на один
машет мясом и просит приди

я сама звероречь порыдаем чего же ты ждёшь
обнажила рукав и в учительной ране стою
вся увязла но ждёт молока восходящий чертёж
и вскормившее машет зверью

* * *

он шепчет «я павел» — и свет накрывает пашней
господь прорастает своей глухотой а ладно
спасибо тебе мой блаженный за праздник страшный
малиновый синий горящий и шоколадный

горючий славянский а всё-таки брал за плечи
болел и редачил всё то что другим не всралось
уже я беда я полдерева чёрной речи
живот из песка виноградарь и свет и старость

я чёрная ширь я полметра я то что важно
и кто-то восходит на мне именя миной
спасибо мой дивный дурак за пожар бумажный
твой сад алкогольный стрекучий и голубиный

клубничный горел земляничный и пел и вейпил
и скоро обнимет огонь как полсотни братьев
спасибо тебе мой живаго за этот пепел
что всё ж написал и что время моё потратил

что слива синела и жёлтая пела сига
и зал закрывался горячий и тренажёрный
за праздник и пепел живому тебе спасибо
и оргии жаждущий клюв и воды и жора

ты зимний тавров ты страна и тебя не стало
темно кабинетно и пахнет мочой и вовой
а всё-таки сделал из почвы зерна журнала
а всё-таки смертный волчок разбирал сливовый

уже я цветок на костях прорастаю чёрных
влюблённая зверотрава из ночного цоя
а всё-таки тайной воды протянул мальчиконке
и нет никого ни души и поёт отцово

* * *

что-нибудь лёгкое вроде распада
в руки возьми, только плакать не надо
солнечный мальчик, пройдёт к январю
чёрное небо в его сердцевине
взяв, поверти, как моленеё о сыне
и не на нём говориши говорю

слово падежный сошедший с ума
колокол-колокол музыка-тьма

эта зима повертела, накрыла
скрылись во тьме мариятта, людмила —
сердцем земным не пускавшие ад
колокол-колокол время назад
речь на разломе дрожит лепестково
(ёлки, ревёт — в утешенье такого
что бы сказать, отводящее слово? —
слышишь, поехали по небу, брат)

плёнка в зазоре расходится с гущей
голос не есть к овоеню зовущий
колокол тьмущий не есть иван-чай
в праздничной речи ночных живодёрен
свет сотворим осязаем проворен

слышишь молчи отвечай

Кровь

* * *

Извините, я не консультирую, мальчики.
Наперёд не скажу ни о ком.

Олег Дозморов

куда ты здесь нету созвучий а только верлибр
спешишь неофитски от меди и слепнущих цифирь
здесь голым деревьям дрожать военком не велит
и дождь призывной гомонит как безумный пацифик

но ловишь из рифменной хтони вот эту и ту:
— я вспыхнувший новый побег и в контакте и в мейле
я буду всей вашей недрогнувшей литерату
кустом огневых позывных неморгающим вейдле

не надо не надо
здесь рыжий на нитке повис
и рвётся в окно бородин из отцовского крова
садово и ревностно страшен болящий нарцисс
в ночи караульно и слишком легко в комарово

но смотрит но смотрит лобаст и сердит
и что ему гуды лесные и все василиски
там чудо там леший-доносчик по небу гудит
и дивную смерть выпевает карьерий зелинский

здесь волглая анечка муркнувши беглое «мурк»
со злым выгораньем очертит свою микрофлору
в мальчишке бровастом прступит ночной эренбург
диана арбенина больше нейдёт к микрофону

куда там и вправду отменят большой оренбург
и лишь чудакова паляще звенит и резонней
— ты будешь притворник ещё не обкатанных букв
и речи в звенящем пупу василёк и призорник

её огневым позвонком недрожащим плечом
и гарвардским щеном
вперёд неэзоповы дети

простите омаровна это уже ни о чём
не лучше ль по-шкловски вдоль сада на велосипеде

я сам леденелая речь очумелый партком
полётных горючих и зумных пример как не надо

я не рецензирую, дети
вперёд — ни о ком

и синяя птица стреляет в хозяина сада

* * *

Памяти Алексея Кубрика

I

приплывает как спутанный мистер больдт
хочешь режь или правду знай
межъязыкая музыка белых полт
и юнцу пришивает горящий край

я учитель ты музыка не про то
всё в себя говоришь бомбардир шутих
очумевший соцарт молодой барто
несмываемый детский стих

брось понты говорит я иду на «ты»
я пределен как смерть а ты алфавит на «я»
стань постангел неслыханной простоты
свет введенского небытъя

и пока твой огонь воссиявший гвоздь
край пальто восстающе бел
в мертвца прошивает костюм насквозь
чтоб светился на нём и пел

II

это дерево речи легко оголилось при всех
что не дуб не герой что всего нерасчисленный автор
лишь его оголяемый плач недокуренный смех
эмигрантская ночь без метафор

я мычит недоказанный свет первородная связь
страшных боксов твоих ученик не дошедший до стойки
и болит перворечью себя изумляясь плюясь
и выходит из нор дребезжаще как день перестройки

чёрный день и учитель горит опадает листва
и поёт мне в землянке огонь о неслыханном зэке
чёрный лист упадает на грудь твоего воровства
и уходит учитель темнеющим и межъязыким

увожу увожу чтоб не даться на грудь блатарю
возвращаю в себя — вместо родины к верному дому
— просыпайся, нудистка, — в последнюю речь говорю, —
в этой смерти её наготе всё совсем по-другому

Из цикла «Черноречь»

I

Раздевается речь, и сестра говорит огню —
вся неузнанный голос — не тронь, не рань:
«Я неправда о смерти, питейное в стиле ню,
сам-очищенный свет, сестра очумелых бань,

больше не урожай, не-проектам сестра, не мать,
просто сад обнажённый и брату, и блатарю»
(говорю ей: восстань с дивана, хорош лежать,
поднимайся, я говорю),

отвечает — и в горло летит раскалённый снег,
близко Бог, что больно моим глазам:
«Видишь, брат по лежачему небу на смену мне,
новый труд, молодой сезам,

всё как любишь ты — мразь, молодая гнусь,
очумевшей метаболы вертолёт»
(подхожу и трясу: поднимайся — не поднимусь,
и хохочет: иди, зовёт)

«Я закатна, как чёрное солнце, а ты не ссы,
только бережней к смеху: он детство, ещё дитя,
и мне кажется, Павел зовут его, как часы,
или времени стуком — полушутя;

он замена меня, отменённого серебра,
подменившая тело ртуть;
просыпайся, мой ангел, в работу, в зеро пора,
всех счастливее спящих будь».

II

Павел мой Павел внушаемый братец подмены
Чёрному снегу на смену никто не идёт
Ходит Поплавский в объятье исколотой вены
Адской метаболы в небе горит вертолёт

Кажется, ты — не тайник, заражённая местность
Бред озарённой мембранны неправда не я
Лесом густым уходящая руско словесность
Крови до верха сестрица стакан пития

Девочка-дура из неба питейного выйди
Видишь: зелёное — чай, а рябинное — кровь
Лермонтов плавай по грудь в недуэльной обиде
Пушкин стреляй в черноплодных своих юнкеров

* * *

В. Д.

где каждый ран трагедию, эклогу
и лишь терентьев — блатарю и богу
и парк его хитёр, он — имени меня
заёмный голос мой выходит на дорогу
реминисцентной ягодой звения

рядом спорят два критика два иова
о поэте ушедшем в горах о дороге длинной
оба не любят чужого слова
боже укрой их нетронутою вагиной

я и сам в ней лежу, говорю целокупного для:
смерть — балбеска, мираж, миноносца
я что хочешь есмь: ягода, рот, земля
и мой чистый голос доносится

* * *

Памяти Мариэтты Омаровны Чудаковой

I

застольно здесь, и голос об отце
сквозь вилок перезвон торопится и снится:
— я видел только тень в колодезном лице,
я слышал гул земли — а ты была пшеница,

печенье и хлеба, кормящая ладонь;
твой полусын подрос — и вот бормочет спьяну:
— я слышал пепел твой — а ты была огонь,
я золинген обтёр — а ты укрыла рану,

укутала в платок, в безжалостную ртуть,
чтоб эта смерть была всем градусникам внове:
я прихожу с водой — и сам себе по грудь,
я с хлебом прихожу — и сам-своё-ручное,

уже подвижник-лёд вослед словам твоим
о том, во что стечём, о тех, кого утешим;
я тряпку принесу, мы кровь не утаим —
всем юным и мучным, сквозь стол перелетевшим

II

взопрела — как совесть, оглохшая в нас, —
адам — доходила — горела:
— ты зощенко будешь, булгаков и хармс,
ты — свет артобстрела,

весь — рана — в ответе за ино и вне,
наследник неспящего босха;
летала — рука в перелётном огне,
полоска-водитель со всем наравне,
и в сердце — сплошная полоска,

не та — на дневном двадцать первом слоне
привёзшая бёздники ада, —
а как тебя звали — вчера и при мне —
и помнить не надо

III

Говорим
вот и сердце-подвижник забилось теснее чем ртуть
та что химик сказал в пять раз воды тяжелее
на месте Бога я б не дал внезапно отдохнуть
нас не надо жалеть
ведь и мы труда не жалели

Говорим
и когда так охота окончить всё это тут
и мнится — зеркально лишь отраженье в каме
вижу рейс на афган и спасенья лихой маршрут
где в огне просветительства всплёскиваешь руками

Говорим
с тем кто выбрал за всё в ответе велик и смел
речи с книжных трибун
объезжая свои селенья
(жаль прижатую к стенке библиотекаршу — не расстрел! —
привезу — привезла саморучно! — книги алексиевич)

Говорим!
и когда замордован дождём сетевого зла
так охота вернуть билет за ошибки века
вспоминаю сколь указующе к парте прищурясь шла
требуя — всего! — ответа и человека

Говорим!
а побудешь на месте смерти — скажи: не тронь
пусть ещё постоит допишет правдиво и точно

и ежели это огонь — да здравствует книжный огонь
как поэт залюбуется им, как зайдётся жаром цветочным!

к весне в Данилу проникает пустота
Оля Вольпин

к весне становится собою ярослав
цветов наевшись, рот плюётся мандельштамом
и сад усопших золотой, бесштанный
несёт его, несёт от слов и громких прав

к весне сдувается, и празднует, и врёт
он с полицаем пьёт и просит: налетался,
в нём белый дикий лев, уже поющий с галса,
влюбляется во власть, он подъязычный мёд

и просит во крыле: так страшно не собой,
я смертный детский рай в обнимку с пугачёвой,
сонорный чистый звук, и сад парчовый
несёт меня во зло, на воздух голубой

— люби меня, люби, как псиную приблуду,
как первый день, цветастый и болванный,
как дыр бул я, как ласточку в цепях,
люби меня — я никогда не буду
твоё подслушивать больное пенье в ванной
про алых роз шипастый славный птах,

во мне могильщик-жук и образ кутенкова,
я мелкий ложь-цветок, и мой медбратный свет
спешит на воздухах и шепчет: что такого,
мол, шепчет, я закован,
как бы бродячий срам, в огонь переодет,

а тот, который речь, — воронеж на конверте,
пирожное во мгле, он поножовый брут,
«ай, спляшем яблочко и сладкоежку смерти,
расстрельных жужелиц и сладкоежку смерти» —
и сердится борис, и клапаны поют

* * *

это было мука песня логово
рана под жилеткой на пике

рубинштейн у кромки переходного
всё стоит как небово и богово
в светофорной голубой реке

ну же подставляй губу раневская
руку целовальная раневская
рыбий хвост и белая змея
литтусовка сами мы не местные

провела по жёрдочке над бездною
муза таксопарка дословесная
взорванная музыка твоя

* * *

Погадай мне, цыганка, на лодке надбровных небес,
фуга смерти ли, свет проливной,
отвечает цыганка: «Ты есть эта лодка, балбес,
гэфсиманец беды за спиной.

Заресничного сына в ночи просветлеет зажим,
в недотьме озвеरеет овца,
в мягкой поступи бога отец отразится чужим,
мой хороший, живи без отца,

ты ведь тоже отец, эолийское небо в снегу,
весь беременный яблоней таз,
я с тобой — но надгробное небо свернётся в дугу,
я люблю — но земля не про нас.

Станет Люда чужой, упадёт из окна Бородин,
юркий Саша взорвётся в лицо;
весь беременный раем, не-царь, оставайся один,
стань окошком тюрьмы, деревцо,

а не выйдет — не-собственной речью побудь заодно,
земляничная смерть на развес».
И грохочет в уборную дверь молодое вино,
проясняется адовый лес.

* * *

грохочет земля в бреду, как смерть у себя во рту,
как ягодный чистый ад, как я в языке своём;
взрывается человек, стоит в молодом саду,
я ягодный, говорит, и это переживём,

мы ядерный, мы, мы, мы, вся родина в букве «р»:
марина бросает вервь, снимает чулки дантес,
в аду языка стою, несломленный землемер,
и чёрный взлетает сад на воздух отцовских месс;

я тоже взлетаю с ним и, ядерной фуге брат,
весь харя своих обид, заклеенным говорю:
мне дикий шиповник в рот, я пёсий кусок утрат,
по кругу меня бери — и братцу, и блатарю,

и сад отвечает «да», есмь в рот превращённый дождь,
пускает по кругу, в круг печатная рана рта;
я целка твоих небес, я тоже тебе что хошь,
бомбящим и листовым по чёртову «никогда»,

и пьём, и расстрельно спим, в ответе за все слова,
где времени чёрт летел и в морду поцеловал,
и голы, и живы все, и лена видна — жива! —
сквозь облако в стиле ню!
и времени — наповал!

Содержание

ПАРОЛЬ

«эту книгу мне когда-то...»	7
«где страна — молчать и ни гугу — смотрит сны...»	9
«Потому что мы сад потому что мы сад потому что мы сад...»	9
«лев гумилёв говорит оскорблённой анне...»	11
«анна из крови ташкентских горящих ягод...»	12
«говорит — и осколочный горловой...»	13
«говорит белоречь потерявшему свет и кровь...»	14
«Обстрелянный красной аортой травы...»	15
«вбрызнут гранатной кровью музыкой невоенной...»	16
«мелом, расстрелянным белым, огнём неумелым...»	18
«дымшиц а дымшиц ты врал почему почему...»	18
«за этот фаланстер в огне, двуязычные па...»	19
«Захмелеет щека и попросит: ударь, ударь...»	21
«виновата ли я виноват ли язык...»	22
«привет привет мы голос позвоночный...»	23
«вот он ко смерти несётся и смерти рад...»	25
Из цикла «Песни невечности»	26
«эмели дикинсон смотрит из яблока дна...»	27
«слово тщится облако произнесть...»	27
«ты яблоко, — сердится, — тёмное яблоко дна...»	28
«где сумрачный шымкент на световом посту...»	29
«сквозь перегон и поездное „ля“...»	29
Анне Аликович	
«Вот и смотри-ка мы стали позор выше гор...»	31
«тело моё говори меж давилен и жрален...»	31
«к реке выходит мальчик-дурачок...»	32
«Вспыхнет голос — и мёртвый сосед в перелётном огне...»	33
Памяти Бахыта Кенжеева	
«водку пивал и костями разборно скрипел...»	34
«обними эту воду спаси успокой как ребёнка...»	34
«бьётся уехавший луч и собой не прикован...»	35
«за всемирное „а“ и высотное „ц“...»	36
«Литературна жизнь, в ней выпало звено...»	37
Памяти Елены Сунцовой	
«ты вбегаешь в кафе озарённая щёки с мороза...»	38
«О чём гремучая рябина...»	39
и ты и ты и ты нажмёшь молитву „пук“...»	39
«Анненский, Фет и фиаско острящего слуха...»	40

П Е П Е Л

мемориал	43
«Так смертно и дымно, как будто бы птицу убил...»	44
«два срезанных шекеля — принцу и людоеду...»	44
«там снег идёт и гиблая голубка...»	45
«Леди долго руки мыла...»	46
«кикку и кукареку, кикку и кукареку...»	47
2024 году	
«Кровь поймана в кулак и говорит: я птица...»	48
«Я музыка, — опёт, — я сорванная тьма...»	48
«слух убийцы музыкален...»	49
«ты поймал больную птицу...»	49
«вот оно жаберный зверский простор темнодышащий...»	50
«за окном окровавлен снег...»	51
«гостиничный ужас описан, но нет, не болящей татьяной...»	52
«Я с дымящей лучиной шагаю к неправде в зе-ка...»	54
«Давай поменяемся, — всходит, — айда на „вы“...»	54
«Боже, Боже, где моя овечка...»	56
«Овечка Освенцима, вот бы о Бородине...»	57
«так забывчив отброшенный бог темноты...»	58
«в озарённом кузнечике сталин пропел налегке...»	58
«так в отброшенном кляпе гудит сверчок...»	58
«он говорит „моли“ — и рот уже в малине...»	60
«как пленное тело прижатое телом другим...»	61
Пять процентов площади	62
«как жена охреневшее дерево ходит в огне...»	65
Григорию Батрынче	
«то ли визгливый централ из ментовских тойот...»	66
«рыба ада разрезала лёд и хохочет мол буду до ста...»	66
«зла немерено...»	67
«по тёмному небу владимирский грянет централ...»	68
«восславим господа как вася бородин...»	69
«глиkerия отпусти, глиkerия отпусти, глиkerия отпусти...»	70
Песни отцовства	
«это скошенный свет из курносых потёмок...»	72
«В темноте и в отцовства аду...»	72
«Но уже подступают, и стелется дым...»	73
«хоть иконе, видавшей убийцу, уже всё равно...»	73
«какой-то странный сон где голым едешь в дождь...»	75
«и смерть восходит сука анн иванна...»	76

ЛИЦО

Белгород	
«всё смолкло и живо на день тридцать первый...»	79
«всё улетает, и борис летящий собирает рис...»	80
«всё перепуталось навек...»	80
«еду-еду, — кричит, — я не смерть, хоть на всех парах...»	81
«где новый рай плывёт, и кажется: неисцелим, неисцелим...»	83
«так тихо внутри что слова начинают сиять...»	84
«мой мармеладный, мой мармеладный, эх, не права я...»	85
«Загорается куст, и огнём говорит иврит...»	86
«Я кровь, — говорит, — потекла, я дрожащий побег...»	86
«Таню Буланову петь, — говорит, — идём...»	87
«Я за туманом останусь, дождём, снегопадом...»	88
Василию Бородину и Ярославу Минаеву	
«приходил бородин довоенных и белых музык...»	89
«Подмигни мне, война всех просодий, высотных полок...»	89
«Чернело дикое винцо, разбилось хрупкое яйцо...»	90
Слонёнок	91
«тихо до взрыва, динь-дон, молоко дымится...»	94
«сквозь горло и голос и музыку бомбоубежищ...»	95
«несбытотник а небо а небо потом...»	97
«если свет перейти догола...»	98
«это свет это куст оголяющий человека...»	98
«и вот стоит прятанутая лена...»	99
Памяти Андрея Таврова	
«упорна колымская ночь за познавшей спиной...»	100
«это ты на груди начертивший цветущую зверь...»	101
«он шепчет „я павел“ — и свет накрывает пашней...»	102
«что-нибудь лёгкое вроде распада...»	103

КРОВЬ

«куда ты здесь нету созвучий а только верлибр...»	107
Памяти Алексея Кубрика	
«приплывает как спутанный мистер больдт...»	109
«это дерево речи легко оголилось при всех...»	109
Из цикла «Черноречь»	
«Раздевается речь, и сестра говорит огню...»	111
«Павел мой Павел внушаемый братец подмены...»	112
«где каждый ран трагедию, эклогу...»	113

Памяти Мариэтты Омаровны Чудаковой

«застольно здесь, и голос об отце...»	114
«взопрела — как совесть, оглохшая в нас...»	114
«Говорим вот и сердце-подвижник...»	115
«к весне становится собою ярослав...»	117
«это было мука песня логово...»	118
«Погадай мне, цыганка, на лодке надбровных небес...»	119
«грохочет земля в бреду, как смерть у себя во рту...»	120

Кутенков Борис Олегович
ПРОСТИТЕ, ОМАРОВНА

Главный редактор издательства Лев Наумов
Редактор Екатерина Перченкова
Корректор Анна Аликович
Дизайнер обложки Мария Юганова
Технический редактор Егор Жерябкин

В оформлении обложки использованы
материалы с сайта Unsplash.

По вопросам приобретения
и распространения продукции
издательства «Выргород»
обращайтесь:
<https://wyrgorod.ru/>
ales@wyrgorod.ru
+7 916 365 6000

Подписано в печать 27.01.2026 г.
Формат 140 x 205 мм, печать цифровая.
Гарнитура PT Serif

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в типографии «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У
www.amirit.ru